

НЕ ДАДИМ УГАСНУТЬ «ЛАМПАДЕ»?

Дорогие подписчики —

читатели и почитатели нашего журнала!

В жизни издания произошли не зависящие от нас изменения, о которых хотим известить вас.

С января 2015 года мы переходим только на редакционную подписку. Мы вынуждены отказаться от услуг подписных агентств из-за роста накладных расходов.

Переключивать их на подписчиков считаем недопустимым, а полностью нести это бремя нашему Знаменскому храму становится все тяжелее. Поэтому мы и приняли упомянутое решение.

Стоимость редакционной подписки образуют две составляющие — цена собственно журнала (50 рублей) и пересылка, или почтовый тариф (40 рублей). Таким образом, подписка на полгода составляет 270 рублей. Заметим, что через агентство это будет значительно дороже. К тому же через редакцию можно подписаться с любого номера и в любое время, тогда как у агентства существуют жесткие сроки.

Редакционная подписка существовала у нас все эти годы параллельно с агентской, и читатели, которые пользовались ею, не высказывали никаких нареканий.

Делается это так: вы кладете 270 рублей на мобильный телефон главного редактора — 8-963-962-5575 (Билайн) и отправляете ему SMS с вашим адресом, индексом и фамилией. Редакция высылает вам подписную квитанцию и по мере выхода — сам журнал простой бандеролью.

Мы очень надеемся, что эти незначительные организационные изменения не повлияют на ваше отношение к журналу. Без вас, без вашей любви и поддержки «Лампада» просто угаснет. Храни вас Господь!

С будущего года мы намеряем выпускать и электронную версию. Цена та же, что у бумажной, за минусом расходов на пересылку. Нас можно будет найти на специально созданном сайте журнала.

Главный редактор «Лампады»
Павел Демидов

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ НУЖНЫ БЕЗУСЛОВНЫЕ ЗАПРЕТЫ?

Архимандрит Алексей (Поликарпов) –
Павел Демидов
Раб Божий и есть истинно свободный человек 4

Павел Демидов
Любовь и запрет: две стороны бытия 8

Лариса Беляева
Анкета «Лампады»
Скажите, пожалуйста... 12

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Руслан Армеев
Записки – паломнику
Наши святыни – рядом 14

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Архивариус
На пороге революционных бурь 18

Василий Крюков
Журавли во льне 20

СТРАНА СЛОВ

Монах Лазарь (Афанасьев) – Дмитрий Шеваров
Афанасий Фет: река покаяния 22

СТРАНА КРАСОК

Дмитрий Шеваров
Он видел только солнечный свет 26

ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ

Вадим Рутковский
Крымская сестра нашего храма 30

МИР ВОКРУГ НАС

Александр Трифонов
Человек, которого устраивает этот мир 33

Татьяна Медведева
Валерий Бурков: «У Бога одна цель –
всех привести к Себе» 36

ЛАМПАДКА

Ирина Иванова
Всякое дыхание... Детская молитва 38

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Зам. главного редактора
Лариса Беляева (подписка,
распространение, реклама)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: Успенский кафедраль-
ный собор, г. Дмитров. Фото Вади-
ма Рутковского

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-963-962-5575
www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 10.11.2014
Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

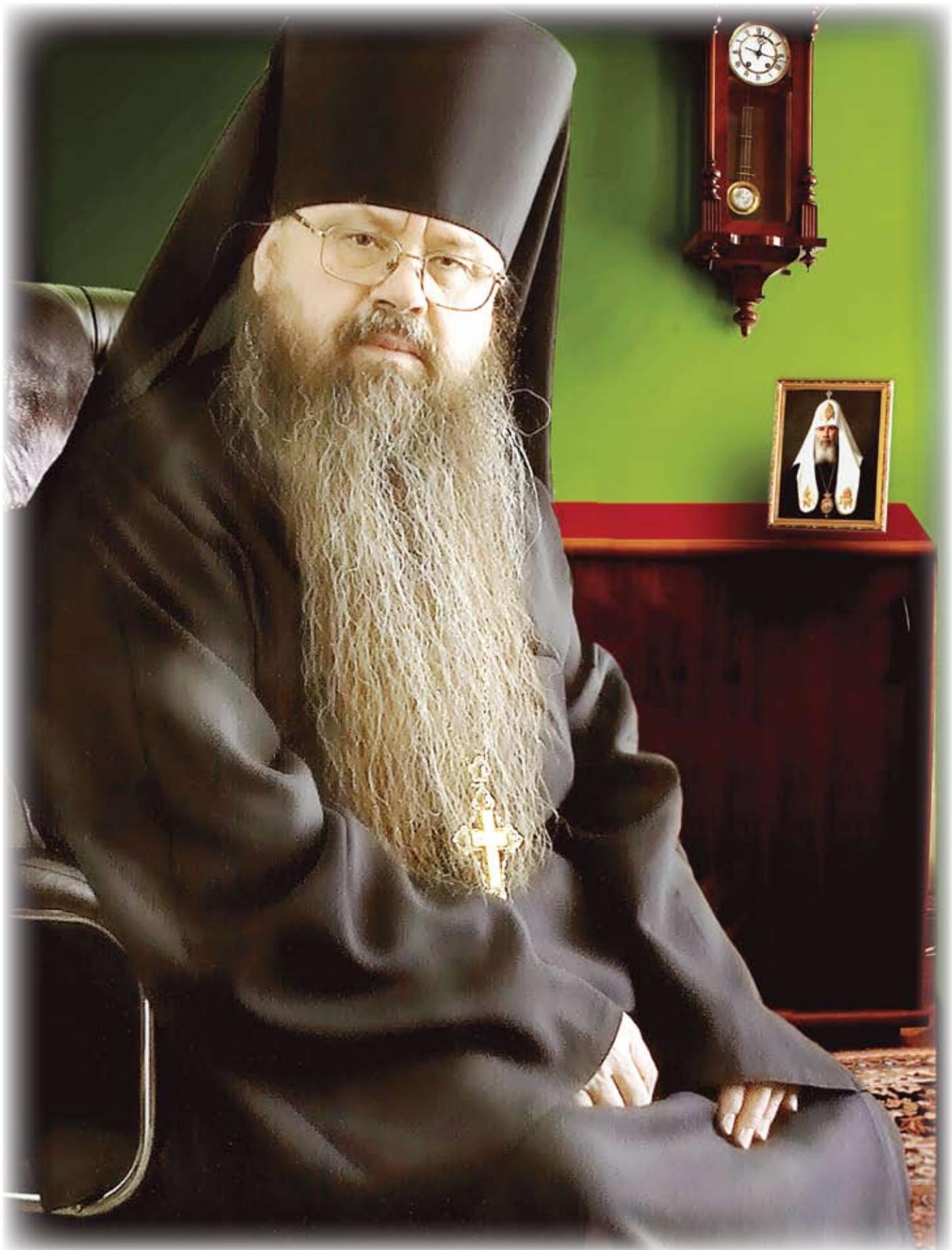
Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфиче-
ский комбинат»
143200, Московская обл., г. Можайск,
ул. Мира, 93

Контактные телефоны:
(495) 745-84-28;
(49638) 2-06-85

Тираж 1200 экз. Заказ № 0577
© Лампада, 2014

Раб Божий и есть единственно свободный человек

Приемлемы ли абсолютные запреты в современном обществе? Как они соотносятся со свободной волей, которой наделил человека Господь? В каком случае человек чувствует себя свободнее в своих проявлениях и поступках: когда для него не существует никаких ограничений или когда есть определенные, четкие рамки? Наместник Свято-Данилова ставропигиального мужского монастыря архимандрит Алексей (Поликарпов) и главный редактор журнала Павел Демидов беседуют о теме номера «Действительно ли нужны безусловные запреты?».

Иллюстрировал беседу Иван Жук.

Первым, как ни странно, задал вопрос отец Алексей:

– А что, по-вашему, есть безусловные запреты?

– Я представляю, что это те запреты, которые не обсуждаются, но принимаются как таковые, как данность. Взять хотя бы ветхозаветные десять заповедей. Некоторые из них как раз подпадают под это определение. В представлении православного человека существование табуированной части жизни – явление органичное или требуются волевые усилия, чтобы оно прижилось?

– Смотря у какого православного человека. Православные люди тоже, представьте, разные. А почему вас заинтересовала эта тема?

– Я как-то слушал выступление одного батюшки. Обсуждался случай. Умер священник на приходе, и его многодетную семью собирались выселить из церковного дома. Батюшка сказал как отрезал: «Конечно, это делать нельзя». У него спросили: «А почему? Это же не их собственность, а церковный дом. Есть соответствующие правила и так далее» – «Вы спрашиваете: почему? А нипочему. Нельзя. И все». Суть не в коллизии, но с тех пор я стал часто задумываться: это «нипочему» раскрепощает человека или, наоборот, сковывает его? Отец Алексей, наш разговор начался так, будто вы ведете со мной беседу, а не я с вами.

– Что ж, давайте беседовать со мной. Мне кажется, уместнее говорить не о запретах, неважно каких – абсолютных или не абсолютных, – но о заповедях.

– А разве заповедь и запрет противоречат друг другу?

– Дело опять же не в противоречии. Заповедь шире запрета. Запрет может быть лишь частью заповеди. А запо-

ведь может и не содержать запрета. Пример? Наша главная заповедь – возлюби Бога и ближнего своего. Здесь не запрет, а утверждающий призыв. А он, в свою очередь, рождает взаимодействие двух состояний – нашего отношения к Богу и Его отношения к нам, людям. То есть возникает синергия, сочетание человеческой воли и воли Божественной. В этом плане о Промысле Божиим, о сочетании с Его волей есть интересная книга святителя Иоанна Максимовича «Илиотропион», «Подсолнух». У митрополита Тобольского это – образ, своего рода метафора. Как за солнцем поворачивается в течение дня подсолнечник, так человек должен всю свою жизнь быть обращен к Богу. И тогда он сам себе устанавливает запреты, он сам себе устанавливает свою пагубную или благую волю и свободу. Мне кажется, так обстоит дело с запретами в жизни человека. У апостола Павла есть на этот счет очень точное высказывание: ...«Все мне позволительно, но не все полезно» (1 Кор. 6:12). О чем это говорит? Вовсе не о запрете. Мы даже говорим: позволительно. Но полезно ли? – вот вопрос. Полезно ли? – это та внутренняя свобода, которая обусловлена любовью человека к Богу. Вот что важно. К исполнению заповедей человеком должна двигать любовь к Богу, это его и парус, и ветер. Это не может совершаться по принуждению извне, из-под палки. В этом случае ни о какой вере, ни о каком Боге не может идти речь. Нарушаем заповеди, переходим черту закона – этим самым совершаем грех. А если это грех, он и должен быть под запретом. Он может быть сладостным, манящим нас к себе, обещающим золотые горы. Но мы знаем или, во всяком случае, должны знать, что, раз это грех, ему не должно быть места в нашей жизни.

– Допустим, среда и пятница. Для верующих мирян это постные дни. Ну а если не соблюдать эти правила, значит – грешить, как если не соблюдать любое другое церковное правило. Но, наверное, все-таки нельзя назвать это грехом, равным по своей тяжести, скажем, нарушению ветхозаветной заповеди «Не убий».

– Известно, что существуют разные градации грехов. Есть понятие смертного греха. К нему как раз и относится преступление названной вами заповеди. Есть, как вы знаете, хула на Духа Святаго, которая не прощается ни в нынешнем, ни в будущем веке. Но есть в нашем восприятии и такое понятие, как малый грех.

– Я представил себе таблицу, в которую внесены все категории, все виды грехов и степень их тяжести...

– Это было бы ужасно, если бы человек жил в соответствии с такой таблицей. С него хватит того, что Церковь дает точное перечисление смертных грехов.

– А все остальное?

– А все остальное – дело его совести, рассуждения, моральной твердости. И самое главное – дело его любви к Богу. Боязнь огорчить Его.

– Страх Божий?

– Если хотите. Те же среда и пятница. В первый день Христос был предан Своим учеником и осужден, во второй – распят. В память об этих скорбных событиях Церковью и установлены дни воздержания в пище. Если ты подлинно возлюбил Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим, как написано об этом в Евангелии (см. Мф. 22:37), ты не сможешь вытеснить это чувство беспамятством. А если нет... Тогда и колбаской, и курочкой можешь себя ублажить, и греха особого в этом не увидишь. Правда, когда душа пойдет по мытарствам, все-все грешки, даже самые микроскопические, будут сопровождать ее в этом путешествии.

– Кстати, о постах. Не получается ли, что придается слишком большое значение еде? Сколько церковных событий мы отмечаем воздержанием в пище!

– Здесь все просто. Любовь – это жертва. Чем можно выразить любовь? Принесением жертвы. Жертвовать можно тем, что тебе дорого. Иными словами, жертвуя дорогим, ты выказываешь свою любовь. Человеческая природа очень сильно повреждена чревоугодием. Стало быть, сдерживая себя в еде, а порой и отказываясь от нее, ты приносишь жертву, значит любишь. Вот и все.

– Можно сказать, что посты как таковые это напоминание нам о нашей поврежденности. Не будь мы такие, не было бы и нужды в постах?

– Не будь мы такие, много чего было бы по-другому. Когда душа человека состраждет своему Спасителю, своему Создателю, он почитает это постом. Это относится и к другим праздникам – например, Усекновение главы Иоанна Предтечи или Воздвижение Креста Господня. Как к этому относиться? Как к запрету или как к запрету? Позволено или не позволено? Знаете такое выражение: «Чего-то там нельзя, но когда очень хочется, то – мож-

но»? Этот принцип не для жизни в Церкви. Но при этом каждый пусть решает сам.

– **Самому порой очень трудно на что-то решиться или что-то решить.**

– Самому – не значит одному. Бог, приводя человека в земную жизнь, не бросает его. У человека есть совесть, это его Ангел Хранитель, который, как говорят святые отцы, возвещает нам истину. Надо только хотеть и уметь услышать его. Он плохого не посоветует. Не зря же его называют хранителем. Если мы прислушаемся к его голосу, значит, мы тем самым совершаем свое спасение. Или хотя бы идем по этому пути.

– **Но как быть со свободой, дарованной человеку Господом? Прислушаться – в том значении, которое вы придаете этому слову, – означает поступить не по своей, а по чужой воле.**

– Ну почему заведомо предполагать, что воля человека и воля его ангела непременно должны противостоять друг другу, а не совпадать? Думать так – очень ошибочно. Это есть проявление строптивости, несмирения. В случае с подлинно верующим, смиренным человеком они чаще всего как раз не противостоят друг другу. Но мы касаемся ситуации, когда, выражаясь современным языком, наличествует «конфликт интересов». Тогда надо помнить: совет Ангела, или голос совести, не стесняет волю человека, но направляет ее в нужное русло, в русло спасения. Это наша воспаленная гордыня считает: если совет, к которому следует прислушаться, не совпадает с моим хотением, значит, это не совет, а запрет. Отсюда и рождаются все эти либеральные всплески типа «ущемления свободы», «наступления на права» и прочее в таком же духе. Запрет на пути, ведущем к гибели, необходим. Нас же не возмущает шлагбаум на железнодорожном переезде.

– **Можно ли сказать, что Господь наделил человека свободой воли для того, чтобы тот мог именно свободно выбрат: с Богом он или вне Его?**

– Именно так оно и есть. И первыми среди тех, перед кем встал этот выбор, были наши прародители, Адам и Ева. Была у них свобода?

– Разумеется.

– Абсолютная?

– Конечно.

– Им было сказано: пользуйтесь всем, что вас окружает. Но при этом был запрет: от этого древа не вкушайте. Сей запрет, как и вообще большинство прещений, относился, скорее, к нравственной категории. Ведь наших праотцев никто не сажал в клетку и древо никто не обносил забором. Если бы Адам с Евой оказались послушны этому запрету, вся наша жизнь

пошла бы другим путем. Но поскольку они захотели запрет нарушить, считая его не важным и не обязательным, случилось то, что называется преступлением заповеди со всеми вытекающими для человечества малоприятными последствиями.

– **Преступив заповедь, они тем самым отвернулись от Бога.**

– Их пожелания и последующие действия квалифицируют совершенное ими именно так. Человеку с Богом трудно. Потому что, приближаясь к святости, к высшей чистоте, к абсолюту, грешный человек не может чувствовать себя легко, ему тяжело соответствовать всем этим нормам.

– **В замаранной одежде проще ходить, чем в белоснежном костюме.**

– А наши одежды ой как замараны!.. Когда вы поднимаетесь на гору, то, чем ближе вершина, тем труднее восхождение. Уже и рюкзак кажется непомерно тяжелым, и маленький камушек на пути выглядит неодолимым препятствием. Разве не так? И если мы не можем справиться, если скатываемся вниз, то приносим покаяние перед Богом. И тогда в помощь нам приходят запреты. Они становятся стимулами для того, чтобы мы сделали лучше, чтобы мы приблизились к высшему состоянию духа и истины.

– **Вы произнесли очень важные слова, что запрет становится стимулом, побуждает стремиться к высшему состоянию духа. В нашем бытовом представлении запрет всегда содержит в себе немалую толику негативного смысла. Это мы выносим из нашего детства, с этим входим во взрослую жизнь. Между тем запрет, в особенности тот, о котором категоричный батюшка сказал: «А нипочему!», непременно должен присутствовать в человеке. Он рождает веру в то, что существует нечто, дальше которого – никуда.**

– Я с вашей мыслью согласен, но не думаю, что ее разделяют очень уж многие.

– **К сожалению, да. Мир занят переоценкой ценностей. Так называемыми общечеловеческими, либеральными ценностями стараются заместить те, что заповеданы нам Богом. А запреты этому мешают. Значит, долой запреты! Точно так же запреты мешают постмодернизму, для которого нет ничего незыблемого, абсолютного, неизменного.**

– Хотелось бы уточнить. В стремлении подвергать сомнению я, например, не вижу ничего плохого. Важно, во имя чего это делается. Если для того, чтобы поверить себя истиной, утвердиться в ней, а она в нас заложена, потому что мы, человеки, – Божии создания, – это одно. Если для того, чтобы попрасть истину, низ-

вергнуть идеалы, а вместо них водрузить идола, – совсем другое. Мир, увы, идет по этому, последнему пути. Мы, христиане, имеем иные, высшие критерии. Если мы настроены и устроены правильно, то, проверяя, мы еще раз утверждаемся в абсолютной правоте этой истины. Если человек истину отрицает, он неизбежно пожнет плоды этой своей пагубной свободы, что мы и наблюдаем сплошь и рядом.

– **Но существует все-таки такое, что по своей природе не может, ни под каким видом не должно подвергаться сомнению?**

– Бытие Божие.

– **Однако это так непросто – несомненно принять Его бытие. Людей семьдесят лет насильственно обезбоживали. Их оторвали от корней. А теперь еще на них свалилась стихия современного секулярного мира.**

– К безусловной вере в Божие бытие можно прийти по-разному. Ведь Дух дышит, где хочет. Есть семьи, где традиция передавалась от старших к младшим, хотя в советское время это было трудно и порой даже опасно. Но от скольких верующих приходилось слышать, как они были благодарны своим бабушкам! Немало людей приходит к этому состоянию, убедившись на склоне лет, что многое из того, чем они жили, чему поклонялись, за что боролись, оказалось пустышкой, мыльным пузырем. А поскольку человек так устроен, что ему без веры невозможно, он приходит к единственному берегу спасения – к Церкви. Может быть и, так сказать, интеллектуальное осознание бытия Божия, но только не вследствие сомнения. Если человек осознает и пытается стать на путь истины, он станет на него. Ведь Бог хочет, чтобы спаслись все, чтобы всем прийти в разум истины.

– **Отец Алексей, хочу вернуться к вашим словам о том, что запрет прежде всего важен как стимул, побуждающий человека к совершенствованию. Это мне представляется очень важным. Можно ли в связи с этим сказать, что запрет формирует в человеке осознание того, что есть в мире что-то непреложное, не подлежащее отмене или изменению? Если оно существует в человеке, сам этот факт регулирует его бытие во всех иных сферах.**

– Конечно! Вся жизнь человека формируется под воздействием осознания того, что есть непреложные истины, которые нужно просто принять. Человеку надлежит смириться с этим и принять как должное.

– **А когда человек чувствует себя свободнее? Когда он ничем абсолютно**

не скован или когда знает, что существуют определенные рамки?

– Истинную свободу он обретет тогда, когда будет находиться в этих рамках. Безграничен только Бог. Все остальное – конечно как во времени, так и в пространстве. В нашем земном бытии важно, какими могут быть эти границы. Но само по себе существование предела, запрета, что практически то же самое, – это не вопрос свободы или несвободы. Это – необходимая данность.

– То есть если он – раб Божий, то он свободен. А если раб своих страстей, то он и есть раб.

– Иначе просто не бывает. «Я раб страстей, исчадь ада...».

– События, что происходят сегодня в мире. Я имею в виду те, к которым так или иначе причастна и Россия. Их, наверное, тоже можно отнести к последствиям поправок определенных запретов, так?

– Да, конечно. Причем начиналось все издали, постепенно, как бы исподволь.

Уступка там, уступка здесь. Каждая в отдельности вроде бы не повод для серьезного беспокойства. А в конечном итоге... Боюсь только, что итоги еще далеко не конечные.

– Возможно, я ошибаюсь, но в моем понимании происходящее сегодня – это, по сути, то, о чем писал Достоевский: диавол борется с Богом...

– А поле битвы – сердца людей.

– И сердца, и тела... Наша страна, наш народ, какой бы он ни был подпорченный, – это все же носитель веры Христовой. Западный мир – это антимир по отношению к нам. Украину он выбрал как орудие борьбы, причем орудие непростое, поскольку и для нее Православие – не пустой звук. Можно рассуждать так?

– Рассуждать можно всяко. Я вам скажу: там, где есть Христос, там есть Истина. Там, где нет Христа, там нет правды, нет любви, нет справедливости. Зло не может быть правдой. Зло не может быть

благом. Бог – не виновник и не творец зла, каким Его иногда хотят выставить, обвиняя в наших нестроениях. А наши нестроения – известно, от кого они: от нас же. Не без помощи диавола.

– Как вы думаете, смогут ли люди когда-нибудь осознать, что они идут не в ту сторону?

– Церковь всегда молится о мире. В нынешнее время – особенно. Молится о том, чтобы перестала литься кровь, чтобы воссоединились семьи, чтобы люди смогли вернуться в свои дома. Есть молитва, которую благословил Святейший Патриарх Кирилл, она читается на каждой литургии. Эти прошения возносятся от чистого, скорбного сердца. Чтобы люди вразумились. Чтобы не царствовало зло на земле. И если возвращаться к теме нашей беседы – чтобы люди вспомнили и вернули в свои сердца осознание того, что не все человеку дозволено, хотя Господь и наделил его свободой воли.

Любовь и запрет: две стороны бытия

Когда ступаешь на эту землю, первое чувство, которое испытываешь, — соединенность двух, казалось бы несоединимых, реальностей. Той, что повседневно окружает тебя, и той, которая вроде бы вовсе не должна присутствовать в этом мире, — это не зависит от первого твоего шага, или сотый, или тысячный...

Вот ты сам: в самолете рейса Москва – Салоники сидел в соседстве с сотней таких же пассажиров, поглощенных каждый своей вполне земной заботой; в Уранополисе вместе с другими толкался у стойки, с волнением ожидая специальной визы на Афон – диамонтериона (бывает и облом), потом у другой стойки, с таким же волнением – достанутся ли билеты; затем – паром «Агиос Николас»: возбужденный гомон нескольких десятков паломников и шумные, непоседливые греки, кому всюду комфортно и вольготно... А слева по борту – спокойна и молчаливо-неприступна – Святая Гора, и это по ней ступала Сама Пресвятая Богородица, нарекиши Афон Своим приделом и даруя ему Свое заступничество. И считанные метры и считанные минуты остаются до момента, когда ты ступишь на эту землю...

– Женщины, например, куда эмоциональнее в своих проявлениях, чем мужчины, но это не значит, что они только поэтому любят Бога сильнее, чем мы. Одни – возможно, да; другие – нет. Искать ответ нужно в чем-то другом. Ты скажешь: легко советовать, а в чем искать?

– Наверное, в поступке. Жены-мироносицы не разбежались при аресте

Христа, как Его ученики. И эмоции здесь, мне кажется, ни при чем. Они делом доказали свою любовь к Спасителю. Простым, обыкновенным делом – встали и пошли за Ним.

– Лично тебе приходилось совершать поступок, рожденный любовью? Я имею в виду не подарок в виде букета цветов. Поступок с большой буквы.

– Наверное... Даже наверняка.

Этот разговор возник у нас, пожалуй, на третий день. Мой собеседник и сосед по келье приехал в Свято-Пантелеимонову обитель из Рыбинска, из Ярославской области. На Афоне не впервые. Настроен, как и я, не «ходить по Горе», но все время отдавать долгим монастырским службам, послушаниям, если таковые случатся, и нашим взаимоприятным общением. Эдуард Межиев, во Святом Крещении Александр, – так зовут моего знакомого. Дальше – лучше он сам о себе:

– Родился в Астрахани. С пяти лет живу в Рыбинске. Первое образование – местный авиационный техникум. Радиотехник. Заочно – Ленинградский институт авиационного приборостроения, ушел с пятого курса: перестройка – начал свое дело. Организовали «Молодежный центр» (такая форма организации при комсо-

моле была), затем стали ТОО, ООО. Сейчас ООО «Фирма «Астел»»: сначала антенны для спутникового телевидения; теперь разрабатываем и производим медицинские приборы. Я – директор. Нас всего двенадцать человек.

Добавлю. Александр-Эдуард – чеченец по отцу и русский по материнским кровям. Вполне современный православный вариант. Разговор случился вроде бы сам собой, можно сказать, ненароком, но потом вылился в диалог, который продолжился и по возвращении домой, уже с помощью электронной почты.

Я готовил очередной номер журнала, где основная тема – «Действительно ли нужны безусловные запреты?». Мне было интересно узнать, что об этом думает сын кавказских гор, пилигрим из Рыбинска. И услышал:

– Нужны ли запреты, которые следует принимать безоговорочно? Ты, наверное, имеешь в виду более серьезные вещи, чем, скажем, обсуждение детьми родительских запретов: «Оденься теплее – простынешь, или: не пей из холодильника молоко – заболит горло, или: не прыгай на лестнице – можешь ногу сломать?»

– Разумеется.

– Наша беда в том, что мы воспринимаем запреты как покушение на

нашу свободу, а не как выражение любви. И так идет с детства до глубокой старости. Но лично меня больше волнует другое. Не как любят меня, а как я люблю. И прежде всего – Бога.

– **А как ты Его любишь?**

– Я знаю, как Его надо любить. Сам Христос говорит в Евангелии: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня...» (Ин. 14:21). То есть между соблюдением заповедей и любовью ко Христу стоит просто знак равенства. Но я так хочу, чтобы меня посетило чувство...

– **Когда ты стал задумываться, что не чувствуешь любви к Богу? Почему это вдруг пришло тебе в голову?**

– Это не «вдруг». Сегодня я понимаю и вижу своим внутренним взглядом промыслительный путь, которым Господь вел меня к Себе. А начиналось все, казалось бы, в шутку. Однажды, когда был на сессии в Питере, стоя у окна в общаге на десятом этаже, раздумывал, как бы еще весело провести время. Мы ведь не только учились. И вот за окном вижу какие-то высокие горы угля. И приходит сравнение с Голгофой. (Откуда-то я про нее уже знал, а может, помнил выражение «Взойти на Голгофу»). Возникла мысль, которая в тот момент показалась не более чем интересной: «А не покреститься ли нам?». Почему? зачем? – я не мог ответить на эти вопросы, но чувствовал – надо, и все. Мы с приятелями несколько храмов объездили – то закрыто, то время не подходит, в итоге доехали до Александро-Невской лавры. При крещении священник со своей помощницей поспорили: она говорила, что нет имени Эдуард в святцах, а он – что уже есть, почему-то сославшись на перестройку. Победил батюшка, и я был крещен как Эдуард. Позже, когда мы с женой решили венчаться, мне в храме сказали, что я все же должен выбрать себе имя, которое есть в святцах. А так как крестился я в Александро-Невской лавре...

– **Отсюда ты и стал Александром.**

– Именно. В чем заключалась наша с женой церковная жизнь? В основном в просьбах к Богу. Это напоминало детскую игру в жмурки: тебе завязывают глаза, а ты, расставив руки, ходишь и... в основном ловишь руками воздух. То есть шли к Богу своим никудышним разумением. Иметь бы тогда духовни-

ка!.. Но мы даже не знали, насколько это необходимо... Да и где его было взять?.. Купил икону, думал – Николай Чудотворец, оказался Серафим Саровский. Так появилась книга про него. Затем поездка в Дивеево. Потом Афон, Бари...

– **Вполне классический путь.**

– Да нет же! Разве только внешне...

В книжке «В помощь кающемуся» есть грех: «Согрешил неимением любви к Богу». Это мне и не дает покоя. Как избавиться от этого греха – не знаю.

– **А в чем эта любовь должна бы у тебя проявляться – тоже не знаешь?**

– Могу сказать, что догадываюсь. В готовности сделать все для Любимого, в чувстве сердечной теплоты к Нему, в благодарности просто за то, что Он есть...

– **А в благодарности к кому?**

– К Богу, наверное...

– **Мы подошли к самому главному. Мне кажется, твое ощущение обманчиво. Насколько я почувствовал и понял тебя, насколько смог увидеть тебя в вере. Ты просто ждешь чего-то другого. Но – чего? Трепета, когдаходишь в храм или прикладываешься к иконе? У тебя не наворачиваются слезы? Но это, скорее, вопрос эмоциональной организации конкретного человека, его темперамента, психики, состояния нервной системы.**

– Я не согласен, что это зависит от нервной системы, хотя она тоже играет роль. Я замечал, что если часто молишься, то появляется мир в душе. Если понимаешь жертву, которую принес Отец, отдав Сына на Крест, то и слезы приходят. Если Бог дает тебе все, что просишь, а ты тут же совершаешь грех, пусть даже мысленно, ты осознаешь свое недостойство. Если видишь, как Бог, любя, указывает тебе на твои бесконечные и почти непрерывные грехи, ты не можешь не чувствовать греховную пропитку своей души и тела. Ты буквально осязяешь, как тебя оставляют бесы, стоит повернуться от телевизора или от суеты лицом к иконе и сердчно попросить милости Божией. А вот любви не чувствую...

– **Рискну высказать предположение. Мне кажется, дело в том, что мы, люди, знаем только одну систему измерения и определения характера и степени чувств – земную. И это**

понятно. Мы – земные, и ко всему подходим с земными мерками. В том числе и к «измерению» любви. А любовь к Богу – это нечто совсем иное. Это – не земная любовь, поскольку Бог – сущность неземная. Отсюда, мне кажется, и возникает тот самый разнотык, который приводит тебя к неутешительному выводу.

– Но Бог пришел ради нашего спасения в мир, и Он был рядом с людьми, существовал в нашем измерении и дал заповеди любви в нашем же измерении. А я по жестокосердию своему слушаю и не слышу, смотрю и не вижу, должен чувствовать и не чувствую Бога в душе. Я еду в автомобиле – и упиваюсь этим, я ем – и наслаждаюсь, одеваюсь – и фансоню одеждой, я прибыльно работаю – и горжусь этим, я решаю задачи – и тоже горжусь; когда иду по улице, я походя осуждаю людей или оцениваю их ниже себя. Какое во мне может быть чувство любви к Богу?!

– **Ты словно ломишься в открытую дверь. Любовь к Богу, как мне представляется, не может и не должна быть чувственной, какую мы испытываем к людям. Ведь «чувственных любей» много: к женщине, к ребенку, к родителям, к друзьям, к животным, к природе, к работе, к родине. Можно, наверное, назвать еще с десятков, и все они, уверяю тебя, будут разными. Но ни одна не будет идентична любви к Богу. Потому что любовь к Богу – это, прежде всего, жертвенная любовь. Ты сам знаешь: не из любви ли к людям Бог принес в жертву Своего Сына?**

– Любовь к женщине, к ребенку, к родителям, к друзьям, к животным, к природе, к работе, к родине – она тоже жертвенная. Если это любовь.

– **Но любовь к Богу – только (!) жертвенная. Этим она уникальна.**

– Да, но жертвы приносились и во времена многобожия.

– **С весьма существенной разницей. Язычники, и не только они, приносили в жертву других. Христианин жертвует ради Бога собой.**

– Наверное, корень в том, что и жертвенность мы понимаем очень по-земному. Вроде бы что-то вынуть из кармана и отдать. Нам такое восприятие жертвы досталось от язычества. Людям трудно отвыкнуть от этого. А теперь – особенно. Потому что мы стали общес-

С младшим сыном Андреем

твом потребления. Да и, честно говоря, сложно жить, все время помня, что ты постоянно должен что-то отдавать, отдавать...

– **А надо ли помнить? В идеале христианину, наверное, должно быть свойственно состояние, когда потребность отдавать, жертвовать становится органичной, такой же естественной, как естественно для человека дышать, ходить, думать...**

– В идеале, конечно, так. Но это так далеко от нас...

– **А идеалы всегда далеки. Иначе они... как следующая остановка трамвая.**

– Я не умею формулировать. Могу просто сказать, как понимаю жертвенность любви. Это, по-моему, значит жертвовать свою волю в руки Христа.

– **Как это?**

– Ну... отдавать на жертвенник свои греховные привычки, наслаждения...

– **В смысле «на Тебе, Боже, что нам негоже»? Мы себя, значит, очищаем от всякой дряни, а Господь пусть с этим всем разбирается?**

– Ни в коем случае! Ты меня не так понял, или я коряво выразился. Но к кому как не к Господу идти нам со всеми нашими грехами и бедами? Ведь Он Сам говорит: «Не здоровые имеют нужду во врачах, но больные...» (Мф. 9:12). А больные – это кто? Все мы.

– **Да... Наш пращур Адам оставил нам не лучшее наследство. Как ты думаешь: почему так получилось?**

– Известно: преступил заповедь.

– **То есть нарушил запрет. Иными словами, предал любовь. Остался**

вне нее. Это как раз то, о чем ты сокрушаешься.

– Я согласен: любить Бога – это значит исполнять Его заповеди. И все. И точка. А я даже простые наказания Его не могу еще исполнить. Как же мне подняться до любви к Богу? Я читаю Силуана Афонского и не могу начитаться. Позволь, приведу цитату, не по памяти, конечно, она большая. Если даже кто знает, все равно полезно вспомнить. «Явление Господа Иисуса Христа принесло послушнику радость Пасхи, Воскресения, ощущение перехода от мрака духовной смерти к неизъяснимому свету жизни. Однажды познав Духом Святым Божественную любовь, он начинает несравненно глубже и острее переживать потерю благодати: “Кто потерял ее, тот неутомимо день и ночь ищет ее и влечется к ней. Она теряется нами за гордость и тщеславие, за неприязнь к брату, за осуждение брата, за зависть, она оставляет нас за блудную мысль, за пристрастие к земным вещам, за все сие уходит благодать, и опустошенная и унылая душа скучает тогда о Боге, как скучал отец наш Адам по изгнании из рая”. И еще. «Познавшая Бога душа... ничем не может удовлетвориться на земле, но все стремится ко Господу и кричит, как малое дитя, потерявшее мать: скучает душа моя по Тебе и слезно ищущ Тебя. Как обретается и удерживается благодать, почему и за что оставляет она душу верующего человека, – эти вопросы становятся важнейшими в жизни подвижника». Знаю, что уныние – грех, но, прочитав эти строки, скажу честно, начинаю грустить. О своей немощи, о слабости, о своей неспособности.

– **Мы с тобой – обычные люди. Нам не сравниться с таким гигантом духа, как отец Силуан. Но и для нас дело не в количестве пролитых слез умиления, не в километрах паломнических походов, не в числе заученных наизусть молитв и тропарей. Скажу больше: чем труднее дается исполнение любви к Богу (в том понимании, о котором уже говорил), чем настойчивее заставляешь себя следовать этому канону, чем больше приходится преодолевать сопротивление своего внутреннего ветхого человека, – именно тем сильнее твоя любовь к Господу. Нет, на мой взгляд, иного способа доказать и показать свою любовь к Нему.**

– Позволь не во всем согласиться с тобой. Действительно, не в числе заученных наизусть молитв, но в сердечности молитвы ключ к ощущению мира в душе. Не в количестве, а в самих слезах умиления, не в километрах паломнических походов, но во время их – в ощущении рядом святых, Бога, его мира в своей душе (хотя это так непривычно для меня – быть с миром в душе). Ты говоришь: «Чем труднее дается исполнение любви к Богу (в том понимании, о котором говорил), чем настойчивее заставляешь себя следовать этому канону...» и так далее, – нет, я не согласен. Я, например, заставляю себя только потому, что у учителей, у святых отцов сказано: «Хочется тебе жадничать – раздай, что имеешь, хочется осуждать – оправдывай, хочется гордиться – вспоминай свои грехи, хочется командовать жизнью – подчинись воле Божьей, хочется укоротить молитву – удлини, хочется совершить грех – совершай добродетель».

– **А что, скажи на милость, дурного в том, что ты себя понуждаешь? Если вдуматься, понуждение – это тоже своего рода соблюдение запрета. Сначала понуждаешь, потом – навываешь, потом – уже испытываешь потребность. Любовь и запрет – это две стороны одного бытия. Чем тебя не устраивает такая динамика?**

– Устраивает вполне. Но все это какое-то умозрительное, идущее от ума, а не от сердца.

– **Церковно устроенному человеку ум горя не принесет. Умную молитву, то есть творимую внутри себя, святые отцы ставили очень высоко.**

– Мне трудно это принять. Любовь и запрет. Сердце и ум. Лед и пламень?

– Тебе мешают привычные земные измерения, о которых ты сам говорил. Смотри. Любовь – это жертва. Жертва – это отказ от того, что дорого тебе. Отказ неизбежно связан с запретом. Значит: без запрета не может быть любви. Запрет неизбежно ее сопровождает.

– А поскольку любовь к Богу безусловна, то и безусловен запрет. То есть через безусловный запрет я могу прийти и к безусловной любви?

– Мне кажется – да. Тебе знаком постмодернизм?

– Лично мне – нет. Потому что я не поклонник его. Но что это такое – знаю. Он состоит в тесном родстве с либеральными ценностями, которых тоже отнюдь не разделяю.

– Можно узнать: почему?

– Так называемые либеральные ценности, особенно в эпоху постмодернизма, все подвергают сомнению, обсуждению, все считают необязательным. Что же до безусловных запретов, так это, с их позиций, вообще средневековые и покушение на свободу личности.

– А разве запрет не ограничивает свободу личности?

– Смотря что понимать под свободой.

– Мне кажется, свобода не имеет различных толкований.

– А мне кажется, что ты провоцируешь меня.

– Зачем мне это нужно?

– Чтобы вызвать меня на откровенность.

– По-моему, мы и так достаточно откровенны.

– Тогда слушай. Свобода, в моем представлении, действительно может быть только одна. Это – свобода в Боге, то есть жизнь по Божественным установлениям. Все прочее, то есть то, что вне Бога, это и не свобода, и не несвобода. Это просто ничто. Когда я был в комсомоле, думал, что партия – это правильно и честно во всем и до конца. Потом уяснил, что обе эти организации уже больше обложка и лозунги, за которыми стоят жадность, карьеризм и профанация. Написал заявление о выходе из комсомола. Я был азартным атеистом. Помню, в поезде как-то со священником спорил с интересом и с иронией о Боге.

Я все делал искаженно. И давно, еще с детства, толком не научившись, разучился поступать правильно. Но Господь действительно хочет спасения всем! К счастью. Потому я сегодня смотрю по-другому и – главное! – по-другому вижу. Запрет и свобода – это не пушкинские «гений и злодейство». Они вполне совместимы.

– Не кажется ли тебе, что сама постановка вопроса о неуместности безусловных запретов говорит об отходе людей от Бога, о замене любви к Богу любовью к себе?

– Очень даже кажется. Конечно, это – отход от Бога. Затмение ума и бесчувствие сердца.

– Поясни, пожалуйста, последнюю фразу.

– Затмение ума – это убежденность в том, что мы что-то можем без Бога, без Его промыслительного участия. Бесчувствие сердца – это когда мы не чувствуем, что отходим от Бога, охлаждаем, теряем любовь к Нему.

– То, что как раз беспокоит тебя?

– Не совсем так. Чтобы отойти от Бога, надо сперва к Нему прийти. А мне кажется, что я даже еще не на подступах к Нему. Вот что меня тревожит.

– Когда тревожит, это хорошо.

Значит, ты живешь, чувствуешь, стремишься. Беда, когда окамененное нечувствие.

– Было и такое.

– А у кого не было? Порой – откуда что берется! – накатывает такое... Не знаю, приходилось ли тебе испытывать чувство богооставленности.

– Наверное, да. Я как-то не задумывался над этим.

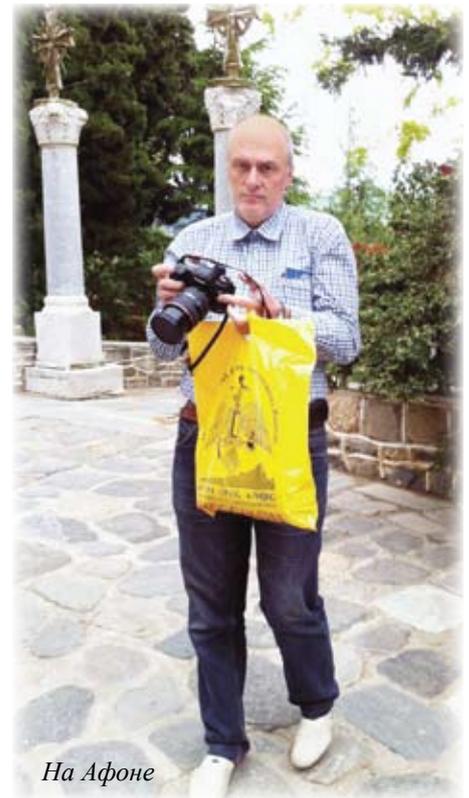
– А оно приходит само. Не спрайся. Так, во всяком случае, у меня. И знаешь, когда это случается? Когда я на воскресной литургии почему-то не причащаюсь. Вокруг – да, а я – нет. И не Чаша минует меня, а я – Чашу. Скверно. Удивляюсь тем родителям, кто, причащая своих детей, не причащаются сами. И это – как правило. Мы, кажется, отошли от темы.

– По-моему, нет. Богооставленность – это ведь не только когда Бог оставляет тебя, но и когда ты – Бога.

– Хотел бы вернуться к прежней жизни?

– Ни за что! Подумать страшно.

– Но ведь была такая вольница. А тут – влево-вправо не ходить...

На Афоне

– Но ведь я свободен именно сейчас! Меня не тащат в услужение себе мои страсти и бесконечные желания, я могу довольствоваться тем, что имею, хотя не всегда удается, я не рвусь... ой, что-то я расхвастался, прости, Господи. Что тебе сказать? У меня есть Бог. И я есть у Него. И этим я счастлив.

Не знаю, продолжится ли наш диалог, приведет ли вновь афонская тропа нас на богослужение в Покровский храм Свято-Пантелеимонова монастыря, куда ведут 105 ступеней, а если считать с самого низу, то 143. Но Письма со Святой Горы еще лягут на страницы «Лампады». Это не будут занимательные истории из жизни Монашеской республики, как принято называть полуостров. Не найдет в них читатель и экзотических описаний природы и животного мира, поскольку природу Афона не описать, а названного мира там почти не существует. Насколько удастся автору, это будут, скорее, ощущения от увиденного и узнанного, чем само увиденное и узнанное. Земля Афона – не для репортерского пера. Прежде всего она – для молитвы, для мыслей и чувств. Лично я, например, впервые побывал на Афоне в конце девяностых, а отважился написать только сейчас.

Скажите, пожалуйста...

 <p><i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i></p>	<p><i>Иеродиакон Ювеналий, 22 года</i></p>	<p><i>Лилия Спиваковская, 33 года, медработник</i></p>	<p><i>Евгений Михайлович Стрельчик, 55 лет, зам. ответ. редактора «Журнала Московской Патриархии»</i></p>
	<p><i>фотографироваться отказался</i></p>		
<p>Нужны ли человеку запреты, которые даже не обсуждаются? Если да, то почему?</p>	<p>Человек – творение Божие, наделенное свободной волей, но Господь установил некоторые запреты – заповеди Божии, которые необходимо безусловно соблюдать. Кроме этого Господь от человека почти ничего не требует.</p>	<p>Нужны. Если человеку дать свободу, то он может натворить все что угодно, даже убить. Я в своей профессии сталкивалась с тем, что сейчас очень много психических отклонений и люди неадекватно себя ведут.</p>	<p>Не стой под стрелой – убьет! Не влезай – убьет! Такие запреты нужны, но это предупреждения, а не запреты, они спасают человеческую жизнь. Человек волен в своей жизни выбирать, как поступить.</p>
<p>Какие запреты следует считать безусловными: идущие от людей или установленные Богом?</p>	<p>Установленные Богом законы абсолютны. Именно Господни заповеди являются тем оплотом человека, по которому нужно жить и без которых жизнь человеческая будет безрассудна и бессмысленна.</p>	<p>Законы от людей должны быть, а заповеди – от Бога.</p>	<p>Десять заповедей, установленных Богом, сейчас очень переформатированы. Не убей, не укради... – с этим не поспоришь. А вот помнить «день субботний»... Лично я не люблю категоричность суждений.</p>
<p>Когда вы чувствуете себя свободнее: когда есть категорические запреты или когда их нет?</p>	<p>Свобода – это великий дар Господа человеку. Свобода в христианском понимании это ответственность человека за соблюдение заповедей Божьих. Когда человек их соблюдает, тогда он свободен.</p>	<p>Когда есть категорические запреты, я чувствую себя свободно. Многие вещи я бы никогда не сделала сама даже в порыве эмоций. Я не считаю, что это ограничивает меня как свободного человека.</p>	<p>Когда их нет. Потому что я сам накладываю на себя запреты, которые страшнее, чем какие-то законодательные. Человек сам ограничивает себя во всех моральных и юридических вопросах.</p>
<p>Не противоречат ли друг другу свобода воли человека, которой наделил его Господь, и запрет, исходящий от Бога?</p>	<p>Нет противоречия, потому что одно из другого вытекает и дополняет. Мне кажется, это одинаковые понятия.</p>	<p>Нет, не противоречат.</p>	<p>Не противоречат.</p>
<p>Насколько безоговорочно лично вы принимаете категорические запреты? Не возникало ли желание порассуждать об их целесообразности?</p>	<p>Адам пал именно потому, что он нарушил Божий запрет. И мы все несем на себе тяжесть этого греха. Желания порассуждать надо от себя всячески отгонять. Как могу, стараюсь бороться с этим искушением.</p>	<p>Желание рассуждать не возникает. Я принимаю этот мир таким, какой он есть, у меня есть какие-то жизненные принципы, запреты мне совершенно не мешают жить.</p>	<p>Конечно, постоянно и всегда я спорю, в том числе сам с собой, но перед собой я не вижу запретов. Многие запреты тридцатилетней давности сейчас не действуют, мы их уже преодолели.</p>

<p style="text-align: center;"><u>Алексей Колпащев,</u> 35 лет, врач</p>	<p style="text-align: center;"><u>Елена Бойцова,</u> 26 лет, юрист</p>	<p style="text-align: center;"><u>Юрий Сапега,</u> 34 года, водитель</p>	<p style="text-align: center;"><u>Владимир Викторович</u> <u>Ештокин,</u> 54 года, фотокорреспондент журнала «Фома»</p>
			
<p>Нужны. И запреты, и правила поведения. Стремление к духовному идеалу само подводит человека к внутренним ограничениям, поэтому категорические запреты он будет сам на себя накладывать.</p>	<p>Мне кажется, не нужны. Человек наделен свободной волей, и он должен сознательно поступать, пропускать запреты через свое сознание.</p>	<p>Да, нужны. Это запрет на гомосексуализм, запрет на аборт. Почему? Это же понятно.</p>	<p>Я считаю, что запреты, конечно, нужны, потому что человек склонен идти вширь и вглубь в своих стремлениях, желаниях, и поэтому какие-то ограничения должны быть.</p>
<p>Исаак Ньютон говорил, что абсолютное восприятие времени доступно только Богу. Человек воспринимает время, соотнося его с запретами. Ценности, которые установлены Богом, носят абсолютный характер.</p>	<p>Абсолютные запреты как раз устанавливают люди, потому что запреты от Бога – это не запреты, а правила безопасности для души. Если мы их не будем соблюдать, то наша душа погибнет.</p>	<p>Конечно, законы, установленные Богом, считаю абсолютными. Богом не просто так законы установлены. По своей дурости или безграмотности иные люди могут издать такое...</p>	<p>Абсолютные запреты – это те, которые установлены Богом. Запреты, установленные людьми, всегда относительны. В одной ситуации они уместны, а в какой-то другой могут оказаться бессмысленными.</p>
<p>Лично я ощущаю себя свободнее, когда сам устанавливаю какие-то запреты. Да, я не могу позволить некоторые вещи, но тем самым я ощущаю себя свободным, это моя свобода выбора.</p>	<p>Я, конечно, чувствую себя свободней, когда нет запретов. Когда они есть, я тоже себя чувствую, в принципе, свободно, но есть хороший бунтарский дух, чтобы эти запреты преодолеть.</p>	<p>Свободнее чувствуешь, когда запретов нет, но они должны быть.</p>	<p>Для меня категорические запреты существуют те, которые прежде всего внутри меня, и в этом смысле они мою свободу не ограничивают. Запреты, идущие извне, это, по сути, законы, но их надо соблюдать.</p>
<p>Здесь нет противоречия. Человек как раз свободен своей волей, он волен идти по пути, который ему указывает Бог, либо волен жить вне Бога и быть богооставленным, но это его выбор.</p>	<p>Мне кажется, ни капельки не противоречат. Если будем рассуждать, то пойдем, почему Господь запрещает что-то в заповедях. Нарушая их, мы буквально прыгаем с десятого этажа.</p>	<p>Наверное, не противоречат.</p>	<p>Здесь противоречия никакого нет, потому что запреты, которые исходят от Бога, направлены на то, чтобы освободить душу человека. Свобода воли человека должна быть связана с верой и с запретами тоже.</p>
<p>Некоторые запреты достаточно целесообразны. Это дает возможность нормально существовать людям. С такими запретами я полностью согласен.</p>	<p>Это мой порок. Я всегда пытаюсь бунтовать, а это нехорошо. Да, лучше обсудить, порассуждать. Бунтовать – это, конечно, не выход.</p>	<p>Категорические запреты? Смотря какие. Если установленные Богом, то никакого вопроса не возникает, а если категорические запреты, установленные какими-то лицами, то там есть над чем порассуждать.</p>	<p>Запреты – это, по сути, законы, их надо принимать, хотим мы этого или не хотим. Какой же русский человек не любит порассуждать.</p>

Наши святыни – рядом

Что ни говорите, сезон для паломников уже позади. Листаю ставшую классикой книгу Ивана Шмелева «Богомолье» и вижу, как свободно, легко вписывается православный человек, движимый духовной жаждой, в летнюю неблизкую дорогу – от Москвы до Святой Троицы. Мир Божий вокруг него цветет, ласковое солнышко согревает, богомольцы-спутники настроены на любовь, на радость... Нынче вон то же – от Москвы, правда, не решились, но от Хотькова до Троицы люди прошли крестным ходом – сам Святейший Патриарх показал пример.

Мы тут, в заволжском, лесном, некогда диковатом краю, смотрели теле-репортажи с того крестного хода и, признаюсь, досадовали, что нас там нет. Но потом я, например, успокоился. Поразмыслив, стал перебирать имена моих новообращенных знакомцев. Да полно! Разве заслужили мы право нести хоругви вместе с Патриархом? Разве сразу, едва заучив Символ веры,

Данилов под сенью Казанского собора

надо нам идти к великой святыне – мощам Сергия Радонежского, игумена всей Русской земли? А придя туда, не возгордимся ли мы по неопытности, не почувствуем ли в себе тень святости от приближения к поистине СВЯТОМУ?.. Уже за мысли сии, Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных!..

Живем мы тут – так устроил Господь – на святой земле. И ведь еще не прониклись – каждый! – сознанием этого исключительного факта. Не трепещем радостно, ступая след в след великим молитвенникам за Святуго Русь... Святитель Иоанн Кронштадтский приезжал в Данилов в 1897 году, чтобы благословить закладку нашего Казанского собора. Величавый собор – аналог Морского в Кронштадте – долго строили: мешали войны и революции, но в сентябре 1918 года, уже при боль-

шевиках, к нам прибыл Патриарх Тихон, чтобы готовый, сияющий золотом новых крестов храм – освятить. Другого подобного, поистине беспримерного события – на фоне вздымавшейся волны «красного террора», сразу после жестоко подавленного Ярославского восстания – и не было... Тот истинно бесстрашный визит-подвиг святителя Тихона мы несколько лет назад отметили мемориальной доской, мимо которой теперь не пройдешь без крестного знамения.

За минувший богоборческий век наши деды сумели потерять память даже о своем, «собственном» святом – блаженном Илие Даниловском, Христа ради юродивом. По некоторым свидетельствам, он преставился в 1592 году, по другим – в начале XVII века. Возвращать память о нашем святом реши-

ли с создания иконописного лика. Ох, и непростая оказалась задача! Но один московский талантливый иконописец, сочувствуя нам и войдя в местные обстоятельства, создал-таки канонический храмовый образ святого блаженного Илии. И мы теперь подходим к нему с радостью, с молитвами и свеча-

ми; раздаем малые списки иконы по «красным углам» горожан, украшаем цветами, и блаженный Илия образом своим участвует в общегородских крестных ходах. А еще мечтаем обрести мощи святого Илии, поскольку примерно знаем, где он упокоился. Правда, наш владыка Вениамин, епископ Рыбинский и Угличский, благословения пока не дает, говоря, что всему свое время...

Думаю я о том, что, не ощутив святости земли, на которой живешь, не впитав благодати, которая как бы разлита и хранится здесь, ты не сможешь с глубоким духовным приятием войти и во врата Святой Троицы...

А знаешь ли, дорогой неопит: если пойдешь паломником от Данилова на запад, на юг, на восток или на север, то уж на вторые сутки непременно встретишь святого?.. Вот я влеку тебя для начала на запад, в сторону Пошехонья. Дорога теперь тут легкая, без кочек и рытвин, как бывало. Наша с тобой цель – Адрианов Свято-Успенский монастырь, обитель святого преподобномученика Адриана, Пошехонского чудотворца, – основана им в 1543 году. Мне-то этот святой старец (недавно отметили 460 лет со дня его преставления) знаком с детства. Я рос под его

иконой: бабушка подарила моим молодым родителям – на счастье! – как раз образ Адриана Пошехонского. И признаюсь: мы были счастливы под сенью пошехонского чудотворца: отец с матерью нежно любили друг друга и мне тоже любви доставало.

Не буду рассказывать о многотрудном житии и мученической кончине святого Адриана (это теперь доступно, даже в интернете), но скажу, что мужская Адрианова обитель успешно восстанавливается и рада бывает как трудникам, так и паломникам.

Если отправимся «от Адриана» встреч Солнцу, к югу, но не отдаляясь особо от Данилова, найдем на берегу Волги остатки сельца Бурнаково, где родился и вырос святой праведный воин Феодор Ушаков. Храм Богоявления на-Острову, где он был крещен, сейчас в строи-

Церковь Богоявления в дер. Хопылево

тельных лесах, и уже состоялась там первая служба. Знал ли ты, мой спутник, что великий флотоводец – с нашего, левого, берега Волги?!

Передвигаясь по святому паломническому пути вокруг Данилова, не минуем древнего Романова-Борисоглебска. Неужели не бывал в этом дивном городке, чьи чудом сохранившиеся храмы и сегодня смотрятся в волжское зеркало? Коль не бывал – значит, и не поклонялся немалому числу его святых. Может, хотя бы держал в руках выпущенный недавно роскошный альбом «Иконы “Романовских писем”»? И не кручинься, что до сих пор на географических картах город помечен советским Тутаевом, – все громче хор голосов, требующих вернуть ему родное имя. Происходит название Романов-Борисоглебск от святого благоверного

угличского князя Романа (XIII век) да от первых русских святых – благоверных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Ах, какая старина – XI век! И поистине событием будет, когда имена этих святых вернутся на карту России.

(Если по прямой, мои любезные неопиты, то от Данилова – всего 50 км; во времена Екатерины Великой пролегал здесь почтовый тракт, теперь заброшенный, и еще на моей памяти

по его сторонам живы были могучие «екатерининские» березы).

Двигаемся дальше, вниз по реке. Ныне, в год 700-летия Толги, редкий православный ярославец не побывал в этой старинной обители – в Свято-Введенском Толгском женском монастыре. Там и в обычный, неюбилейный, год гостей поражают какая-то особая чистота и порядок: в образцовом состоянии стены, врата, храмы, кельи, дорожки, пруд, теплицы, огород, и повсюду – цветы. А уж теперь настоятельница монастыря игуменья Варвара и сестры расстарались! Честно: ни в сказке сказать, ни пером описать: Толга сияет Божественной благодатью! И не иссякает череда паломников к чудотворной Толгской иконе Божией Матери. Постоянно творится молитва пред ракой с мощами святителя, епископа Игнатия

(Брянчанинова) – великого подвижника благочестия, аскета, религиозного мыслителя, духовного писателя XIX века.

Из Толги (кстати, имя взято от местной речушки) так бы и не ушел (есть гостиница для паломников), но я, даниловский гид, зову тебя дальше, нет, не в Ярославль. 1100-летний город, нашу губернскую столицу, его древности и святости не сочтешь и до утра – оставим до особого случая. А пере-

бравшись с левого берега Волги на правый, не миновать, в год 700-летия Сергия Радонежского, малую родину Преподобного – Варницы. Каждый, наверно, сразу вспомнит «Видение отроку Варфоломею» – знаменитое полотно Михаила Нестерова. Приближаясь к Варницам, видишь такие же узнаваемые «картинные» поля, пригорки и перелески. Правда, художник, по его

признанию, писал натуру в окрестностях Троицы и позировал ему не отрок, а крестьянская девчонка, но такова уж сила таланта и творческого воображения: мы знаем, мы верим, что все так и было – по Нестерову, по житию Преподобного. Именно здесь, в Варницкой слободе, жили благочестивые Мария и Кирилл со чады Стефаном, Варфоломеем, в иноческом постриге Сергием, и Петром.

Нет, невозможно в наши дни оставить в руинах это святое место! И вот чудо: за несколько последних лет родился к новой жизни основанный в XV веке Свято-Троицкий Варницкий монастырь. А мне, впечатлительному вашему гиду, очень хочется, чтобы где-то поблизости нашли и «то самое поле», тот дуб, под которым произошло явление отроку Ангела в ино-

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Свято-Введенский Толгский женский монастырь

*Свято-Преображенский
Геннадиев монастырь, святой колодец*

*Романов: на поклон к святым местам
и к святым мощам*

Казанская церковь в Романове

ческом образе, описанное в житии. Еще не окрепшим в вере богомольцам очень, по-моему, нужны такие, пусть и символические, «житийные природные доказательства».

Впрочем, мы отклонились к югу от кругового паломнического маршрута. И теперь наш путь – на восток. Там, на востоке от Данилова (и на севере тоже), есть удивительная река Обнора. Она начинается где-то в вологодских лесах и болотах и течет по ярославским пределам, сливаясь с другой рекой – Костромой на границе с костромскими землями. Река живописная, в крутых берегах. Издавна появлялись на этих берегах деревни, а еще раньше – пустыни, монастыри, основанные пришедшими сюда учениками, единоверцами Сергия Радонежского.

Кто-то из даниловских старожил рассказывал мне, что «в прежние времена» у нас существовала традиция – каждой весной учащиеся и преподаватели отправлялись паломниками на Обнору, к святому Сильвестру Обнорскому. Почти 50 верст преодолевали они за два дня...

Преподобный Сильвестр (XIV век) принял монашеский постриг в обители Сергия Радонежского и вскоре отправился в северные края – искать уединенной жизни. На берегу Обноры срубил себе келию, освятил источник. Прослышав о пустынножителе, сюда стали приходить люди, поставили деревянный храм... Так начинался будущий известный на всю округу Воскресенский монастырь, святыни которого притягивали и даниловских учеников.

Радостно, что традиции оживают. Однажды, узнав, что в старой церкви села Воскресенское теперь не магазин, а снова храм и идут в нем службы, мы с друзьями поехали на Обнору. Дорога шла то лесом, то полем. А был август, созрели овсы. И вдруг метрах в тридцати перед машиной наш путь пересекает огромный бурый с седыми подпалинами... медведь! Ни фотоаппарат не

его – Корнилием Комельским. Монастырь действующий, монахи стараются вернуть ему былую лепоту. А если от устья начнем подниматься по реке вверх и вверх, изучим, пожалуй, историю средневековой Русской Церкви. На Обноре и на ее малых лесных притоках селились многие монахи-отшельники: Павел Обнорский, Сергей Нуромский, Корнилий Комельский... Эти пустыни

Крестный ход в с. Воскресенское в день памяти прп. Сильвестра Обнорского

успели достать, ни на тормоз нажать. Но и лесному хозяину было не до нас, он направлялся через дорогу в поле – полакомиться овсом... Вот такой привет мы получили от пустынножителя Сильвестра, дружившего со всеми лесными обитателями.

Воскресенский храм на высоком лесном берегу Обноры постепенно обретает былую красоту, обустроен источник преподобного Сильвестра. Говорят, что мощи святого покоятся в храме под спудом. Каждое 8 мая (25 апреля), когда особо поминается святой Сильвестр и устраивается крестный ход, здесь бывает особенно много паломников, и из моего Данилова тоже.

В устье Обноры, там, где она впадает в Кострому, стоит еще одна древняя обитель – мужской Спасо-Преображенский Геннадиев монастырь, основанный в 1529 году Геннадием Любимоградским и учителем

и монастыри не забыты – пишется их история, заново обживаются намоленные места...

Похоже, мы, паломники, уже подустали, и пора отдохнуть да оглянуться вокруг... Знаем ли мы хорошо ту землю, на которой живем? Чувствуем ли ее, понимаем ли? А ведь это и есть настоящая Святая Русь – никуда она не исчезла! Надо только открыть навстречу ей свою душу, открыть сердце.

Я и сам еще не бывал в верховьях Обноры, в тех дальних, потаенных лесных пустынях. Если будет на то благословение нашего батюшки, собираюсь будущим летом с Божией помощью отправиться туда паломником. Знаю еще, что ближе к Вологде стоит чудом сохранившаяся усадьба Покровское – родовое имение дворянской семьи Брянчаниновых, там родился и рос будущий святитель, епископ Игнатий. Нельзя не поклониться малой родине нашего великого духовного наставника.

Вот и думаю, пройдя еще раз вокруг, что наш скромный Данилов – городок счастливый и особенный: живет среди русских святынь.

*Руслан
(во Св. Крещении Николай) Армеев
фото автора
и с сайта Ярославской митрополии*

Накануне Октябрьской революции, окончательно похоронившей Российскую империю, Ховрино было богатой и процветающей буржуазной усадьбой. Ее последние владельцы – родственники купца первой гильдии Митрофана Семеновича Грачева – заботились о своем родовом гнезде и поддерживали в нем образцовый порядок. Знаменский храм был настоящим

украшением и подлинной жемчужиной грачевского имения. Понятно, что все превратности, выпавшие на долю имения, а их было с избытком, бросали отсвет и на жизнь церкви. Их судьбы были неразделимы.

На пороге революционных бурь

В 1879 году владельцем усадьбы оказался мрачный самодур купец С.Е. Панов, притеснявший местных крестьян так, что те, доведенные до отчаяния, даже хотели убить его. До крови, по счастью, дело не дошло, однако барский дом почему-то сгорел. За крестьян вступился именно священник – отец Иоанн Поморцев, и хозяин имения настроил на него жалобу.

Священнику Василию Рудневу, назначенному в храм в 1884 году и отдавшему ему восемнадцать лет жизни, от соседства с «диким барином» тоже, надо думать, приходилось несладко. Но церковная жизнь шла своим чередом.

Со временем менялись владельцы усадьбы. В 1895 году умер Панов. Ховрино приобрел Митрофан Семенович Грачев (1840–1899), почетный гражданин Москвы и крупный благотворитель. При нем на месте сожженного барского дома вырос великолепный дворец, спроектированный выдающимся зодчим Л.А. Кекушевым. По фамилии последних дореволюционных владельцев имение часто называют Грачевкой.

Одним из направлений благотворительной деятельности М.С. Грачева была работа в качестве казначея Совета детских приютов, созданных при содействии великой княгини Елисаветы Феодоровны (родной сестры последней русской императрицы Александры Феодоровны) и принца Ольденбургского. Уже после смерти М.С. Грачева его вдова Варвара Николаевна пригласила известного в Москве архитектора Георгия Александровича Кайзера для благоустройства Знаменской церкви.

Митрофана Семеновича и Георгия Александровича давно связывали дружба и дела. Г.А. Кайзер был одним из тех архитекторов, чьими трудами и талантом создавался облик нашей столицы конца XIX и начала XX века. Он родился в Москве в 1860 году, получил прекрасное домашнее воспитание и образование. Проявившиеся в раннем детстве художественные наклон-

Усадьба Грачевка. Самое чудо в том, что вся эта красота – и сам дворец, и внутреннее убранство, и декоративная решетка сохранились до наших дней

ности преопределили его дальнейший жизненный путь. В 1883 году он окончил с Большой серебряной медалью Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Этой награды юноша был удостоен за проект Публичной библиотеки. Среди членов художественного совета, подписавших свидетельство, значится и фамилия основателя Третьяковской галереи П. М. Третьякова.

Г.А. Кайзер ступил на самостоятельную творческую стезю в 80-е годы XIX столетия, когда в отечественной архитектуре шли поиски «русского стиля». Образцами его признавались памятники Древней Руси, для которых характерны такие элементы архитектурного убранства, как шатры, кокошники, аркады, висящие гирьки и тому подобное. Возможно, Кайзер обратился к церковному зодчеству благодаря влиянию и близкому знакомству с художником М.В. Нестеровым. Именно в «русском стиле» выдержан созданный Г.А. Кайзером храм во имя Святого Митрофана Воронежского в Петровском парке (современный адрес – улица 2-я Хуторская, дом 40). Церковь возводилась по заказу и на пожертвования Митрофана Семеновича Грачева, чьим небесным покровителем являлся святой Митрофан. В этой красивой церкви и был похоронен М.С. Грачев. Позже, перед закрытием храма большевиками, его прах перенесли на Введенское кладбище.

На средства вдовы Митрофана Семеновича Г.А. Кайзер перестроил в ховринском храме систему отопления: изначально теплым был лишь Никольский придел, а с 1911 года стал отапливаться и верхний храм. Вот так неожиданно и причудливо переплелись истории двух московских храмов и жизненные судьбы талантливого архитектора и богатого купца-благотворителя.

Интересно, что Г.А. Кайзер перестроил и московскую резиденцию М.С. Грачева, которая находилась на Поварской улице рядом с любимым многими москвичами белокаменным храмом в честь святого Симеона Столпника. Элегантный особняк сохранился до наших дней – ныне это дом № 7, в котором расположилось посольство Норвегии. В 1873 году Грачев приобрел этот особняк у известного московского мемуариста Д.И. Никифорова. Изящно перестроенный Г.А. Кайзером, он свидетельствует о тонком вкусе своего нового хозяина. Сохранился и хорошо заметен на фасаде дома каменный вензель «МГ» (Митрофан Грачев).

Помогала церкви и Елизавета Иосифовна Молчанова, вдова прежнего хозяина ховринской усадьбы Евграфа Владими-

ровича Молчанова. В 1890 году она покинула Ховрино, предоставив свою землю для устройства земского сиротского приюта. В начальной школе при приюте учились и ховринские крестьянские дети. Когда в 1900 году приют был переведен из Ховрина, делом жизни отца Василия Руднева стало создание церковно-приходской школы. В поисках помощи отец Василий написал письмо Елизавете Иосифовне, и щедрая, боголюбивая женщина пожертвовала на благое дело значительную сумму.

Вторым крупным жертвователем на школу стал замечательный художник-передвижник Кирилл Викентьевич Лемох («Лампада» писала о нем). Он жил в Ховрине на собственной дачке, стоявшей в тени маленькой рощи. Рядом выстроил небольшую мастерскую, более походившую на обычную крестьянскую избу. Лемох, один из основателей Товарищества передвижных выставок, был известен жанровыми картинами из крестьянского быта. Многие из его лучших работ были написаны в Ховрине: «Круглая сирота», «Семейное горе», «Умиряющая мать», «Без кормильца».

В строительстве и благоустройстве церковно-приходской школы отцу Василию также помогли храмовый староста, владелец гончарного завода близ Ховрина В.С. Корсаков, уже известный нам архитектор Г.А. Кайзер, плотник Сорокин. Землю под школу выделили крестьяне. Деревянное здание было выстроено за два месяца и 9 ноября 1900 года освящено епископом Можайским Парфением (Левицким). Преосвященный совершил в Знаменской церкви Божественную литургию. Это было единственное в дореволюционное время посещение Знаменского храма архиереем.

В эти же годы в Никольском алтаре ховринской церкви появился приставной престол во имя мученика Евграфа, устроенный по просьбе Елизаветы Иосифовны Молчановой в память о покойном супруге Евграфе Владимировиче.

В заключение, хотя бы кратко, нельзя не рассказать удивительную по своей красоте и трогательности историю соприкосновения двух священнических судеб – отца Константина Виноградова и его предшественника отца Василия Руднева. Молодой о. Константин, сменив по смерти в 1902 году о. Василия, истово продолжал его дело на ниве просветительства. Вместе с регентом Д.И. Кутузовым он создал из местной молодежи хор, который славился по всей округе. Он состоял законоучителем в Знаменской церковно-приходской школе, железнодорожном училище при станции Ховрино и двух земских училищах Петровских выселок. Это был тяжелый, но

Храм Митрофана Воронежского

Тот самый вензель

чрезвычайно полезный и очень вдохновенный пастырский труд. Но вот что еще!

У отца Василия остались семеро детей. И вдовствующая матушка обратилась к епархиальному начальству с просьбой помочь найти мужа ее дочери Елизавете, чтобы он стал преемником ушедшего батюшки. Выбор пал на выпускника Духовной семинарии, сына московского диакона. Это был молодой священник Константин Виноградов. Он принял на себя и приход, и заботу об осиротевшем семействе прежнего настоятеля, а в этом браке у отца Константина появятся и своих семеро по лавкам, да не образно, а в самом прямом смысле.

Как видите, в истории нашего храма есть и такие чудные страницы.

К сему: ваш Архивариус

Журавли во льне

Я крою задний скат крыши скотного двора толем, отбил большой палец на левой руке, на эту желто-серую посыпку, которой притрушен толь, у меня аллергия, но между ударами молотка иногда, высоко в небе, я слышу голос редкого кулика, не чибиса, не зуйка и не кроншнепа. С горы мне виден Бежецк: в синей дымке – малюсенькая заводская труба, километрах в пятнадцати от меня – пыльный городок, где на въезде тюрьма, из которой двое сбежали недавно.

В городке есть детские приюты и в главном соборе – икона Божией Матери «Сиротская». Есть в том храме и другая Богородица, на Толгскую похожая. Не Толгская, просто похожая. Пресвятая Богородица. Пресветлая. Висит эта большая темная икона в том углу, где лавка церковная, чан блестящий с пластиковым стаканчиком, ведра для уборки собора и стол со свечными огарками, но Глаза... и остаются, и теряются, и хочется опять в Них робко заглянуть, и всякий раз...

Рядом со мной сено и дрова, ласточки и журавли. Даже альпийская ворона с красным изогнутым клювом. Откуда на тверском севере альпийская ворона? Богу все возможно. Иссиня-черная, она чуть меньше серой вороны, много грациозней, она быстрее серой вороны. Она успевает раскопать муравейник в песке под молодой сосной, проглотить множество муравьиных яиц, перелететь к другой молодой сосне, копнуть там другой муравейник и, характерно каркнув, податься прочь, сделав все это за какое-то мгновение.

Сено, дрова, ржавая кровельная жечь. Смотрю с крыши – одну красоту вижу. Суровая, тихая красота пустой деревни. Ольховая оранжевая поленица, бурая прошлогодняя скирда. Жечь видится уже потом, позже, когда освоишься, когда сможешь как-то осмыслить, понести.

В начале апреля – мы только приехали, снегу нет, холодно было, Ира замерзла, в валенках по весенней земле ходила – напал на нее бешеный барсук. Я его вилами да обухом взял. Пока с вилами подлетел, Ира кричала, а Нил плакал у нее на руках. Хорошо, валенки помогли. Ну, он валенок-то прокусить и не смог, так только вцепился и давай тереть...

Бабу Маню зарезали. Добрая-то, добрая, да только одновременно и корову продала, и пенсию получила. Парня соседского в «рулонник» затянуло. Учительницу завалило бревнами с лесовоза. Недавно пастух молодой, совершенно пьяный, по центру скоростной автомагистрали ночью на велосипеде ехал, по сплошной белой линии. В свою деревню возвращался тихим зигзагом в последний раз. Как бабушке грустно станет, как долгий плач ее послушаешь... Суровая жизнь.

Такой увидел я вчера деревню. Стоит крепкая русская женщина в резиновых сапогах, в спортивных полинявших штанах, она у калитки своей стоит, выпила с мужиками рюмку, ну и что, сейчас только обед, ей еще два раза корову доить да бычок еще, внучата, огород еще, она свое отпотеет. Вдруг иномарка старень-

кая появляется, выходят два худеньких человека, не местные, один выкрикивает: «Слава Господу!». Другой достает синенькие книжечки. Евангелие. Тот, что выкрикнул, берет у другого книжечку, подходит и говорит деревенской женщине: «У нас есть подарок для вас!» – «Я сейчас тебе покажу подарок», – отвечает она быстро, негромко.

Человек отворачивается от нее, выкрикивает, поднимая руки: «Слава Господу!». Поспешно направляется к другому двору, шагами большими, какими ходят на той планете, откуда он прибыл в восторге первых веков. Космодромы за океаном, говорят, много...

Расскажешь трактористу про репрессии, про новомучеников Российских и видишь, что не понимает его как-то особо, а потом понимаешь: да его этой жечью 1937 года и не проймет, как тебя, у него тут своя, свежая.

Простая, проще уж некуда, без всякой политики, но если осмыслить верно, от матерной грубости здешней, от всей суровости этой молиться внимательнее станешь, внутрь себя отвернешься. Отвернешься легче, нежели от прекрасной картины. Задумаешься, зачем отцы искали суровую пустыню. Внутрь себя еще внимательнее посмотришь. Здесь, в деревне, вранья-то поменьше, чем в городе. От суровости и лицемерия бежит...

Говорю о том, что вокруг меня, пытаюсь обозначить на полотне пустынного раздолья цветные точные акценты, но и это не путь, ведь главное то, что внутри.

Хочется внутрь посмотреть, да не может-ся. Все обрывается на фразе, на нескольких фразах. Деланье плачевное. Открой глаза мне, Господи.

Самое большое событие этого лета – святой Игнатий Брянчанинов. Я что-то рубил, косил, клинья какие-то подбивал, лишь к августу взялся за двухтомник «Аскетических опытов». Пошел по верному пути. Слово за словом. От книги может произойти чудо, вера может стать чуть-чуть крепче, но это чуть-чуть – дорого, если мерить горчичным зерном.

Святой Игнатий шел к Нилу Сорскому, Исааку Сириянину и Пимену Великому, шел и пришел. Это Твой дар – способность увидеть бессмертных людей, понимать, слышать их, учиться у них. Святой Игнатий душу мятую мою уютно разглаживает...

Это все монахи, а тебе помалкивать надо. Их прозрения обусловлены образом святой жизни, а тебе что до того, ты всю зиму на постели валяешься с книгой в руках, да и летом ничего толкового не сделал. Давно уже знаешь, что надо отказаться от помыслов и мечтаний в пользу молитвы. Отказаться от воспоминаний и самых красочных впечатлений в пользу молитвы, почувствовать узость верного пути...

Я – как тот, вдвойне несчастный, который и монахом не стал, и в миру ужиться не может...

Я кошу ручной косой, легкой, я громкую бензокосилку не люблю, в итоге отбиваю косу на обухе старого колуна, на самом краю лезвия делаю узким концом молотка маленькие редкие зубки, несколько штук, не коса, а пила выходит, режет траву с правильной такой, едва заметной легкой вибрацией. Я не сам дошел до такого знания о косе – люди подсказали, простые люди, но с опытом этим уже за спиной...

В июне утром журавли во льне...

Я в юности художником стать хотел. У меня отец – художник, это сейчас он, худой и беззубый, в постели лежит, а вообще-то всю жизнь рисовал, лепил что-то, конструировал, прямо чувствовалось, что дар у него такой есть, и он всю жизнь его тратит, а дар не кончается.

В детстве мне хотелось повторять то, что делает он, казалось, что так и у меня должно получаться. Мне нравилось крутить ногой гончарный круг, вдыхать запах живописного масла, запах скипидара, с помощью киянки резать стамеской по сухой вишнево-черной яблоне.

Если яблоневое дерево вымерзает от сорокаградусного мороза, древесина его

уходит в каштановые оттенки, а частично и чернеет. Когда она хорошо просыхает, то становится твердая, как кость, срез от стамески плотный идет, глянецовый, дерево поблескивает. Слетает, конечно, поначалу стамеска, руку в кровь больно ранит, но все равно яблоня вымороженная хороша, она – как темная яшма, и прожилки светло-лимонные, как самшит.

Витражи из цветного стекла и бетона, с которым, как с глиной, надо работать руками...

Его примером я был подстегиваем на поиск прекрасного, а само понятие – художник, со временем оно как-то разрасталось.

Однажды я понял, что художник-то – он, а не я. У него свои шаги, своя живопись, мысли и характерные черты, а у меня все иначе. Я думал, что слово – это тоже материал, из которого можно валять и лепить, оказалось, наоборот, оказалось, что слово лепит человека, одухотворяет. Слово, как мечом, разделяет отца с сыном по плоти.

Сначала я писателей читал самых разных, меня занимал поэтический образ, привычный речевой оборот мог удивиться с другой стороны, но осмысления, одухотворения живого не было до тех пор, пока я святых отцов не услышал. Господь сжалился над моим поиском и дал услышать.

Мира Христова не было, потерян был он, вот душа умириться и не могла, искала, да только плохо видела то, что искала, когда же отцы добавили света, слово уже стало обращаться в хлеб...

Бывает, на опыте проверишь, а потом об этом прочтешь, бывает, прочтешь, а потом на собственном опыте проверишь, и все это на одном пути. На этом пути мне святой Григорий Богослов помог, есть у него статья о поэзии, «О стихах своих» называется. Святой Григорий в небольшом тексте тайну поэзии раскрывает, вдохновляет того, кто предается словесному искусству, он говорит, что если чувствуешь талант, пусти его в рост, направь в доброе русло. *Да и как тебе, человек, тиша по дольным понятиям, изречь несомненное слово?*

Когда доброе со временем окрепнет, красное слово, как подпорка, отнимется от свода, и останется самое доброе...

Святой Игнатий Брянчанинов открывает мне глаза на то, что происходит со мной. *Завеса, изредка проницаемая, лежала для меня на Евангелии; но Пимены Твои, Твои Сисои и Макарии производили на меня чудное впечатление.*

Полями засеянными путешествуешь, колос в руках растираешь, когда поучаешься в книгах. Упрек книжников и фарисеев Учитель объясняет на уроке милости. Здесь говорят языками, это путь слова. Этот сад и возделывает, и хранит сугубый плач. Сугубый дождь. Все лишившие себя наставлений на этом пути упали, как листва поздней осенью.

Святой Игнатий примечает, что каждая книга имеет свой дух, свой запах и его собственная книга – как фициам покаяния. Верный дорожный знак. Звезда кормчего. Слеза путеводная.

Святой говорит, что правящий ладью по морю святоотеческому видит единство. *Это их согласие, согласие чудное, величественное. Оснаждать веков уста их свидетельствуют единогласно единое учение, учение Божественное!* Когда в осеннюю ясную ночь гляжу на чистое небо, усеянное бесчисленными звездами столь различных размеров, испускающими единый свет, тогда говорю себе: *таковы писания отцов. Когда в летний день гляжу на обширное море, покрытое множеством различных судов с их распуценными парусами, подобными белым лебединым крыльям, судов, бегающих под одним ветром, к одной цели, к одной пристани, тогда говорю себе: таковы писания отцов.*

Мы живем в благодатное время потому, что во множестве сейчас издаются бесценные святоотеческие книги, издаются и продаются, и доступны каждому. Так было не всегда. Только бы прозреть, Господи, чтобы увидеть слово Твое, а еще для того, чтобы прозреть дремучий лес.

Лес понятий дольных, мнений людских, лес самых разных книг и кинофильмов. Стволы – как книги, ветви – как мысли, и капли росы в паутине – как чистойшей прелести чистойший идеал, а тебе, как тому, кто бежит из тюрьмы, надо пробираться сквозь эту паутину, пробираться на восток. Ты снимаешь паутину с лица, но вскоре вновь попадаешь в нее лицом.

Ты знаешь, что если ты бросишь молитву, тебя поймут. Чуждая, встречающая нагло мысль пытается прервать твоё внимание, и ты сечешь ее косой молитвы. Невидимой слезой смываешь. Во время краткой передышки смотришь на стог сена, видишь старые потемневшие дрова, бросаешь беглый взгляд на ржавую кровельную жесьть.

*Деревня Лозьево,
Бежецкий верх Тверской области*

Афанасий Фет: река покаяния

Афанасий Фет. 1890

Фото Сергея Боткина

– Кто из русских поэтов ближе всего вам сейчас?

– Наверное, Фет.

– Его до сих пор в некоторых учебных пособиях называют «непоколебимо убежденным атеистом».

– Кто называет? Это неправда. Полное непонимание. Разве трагический накал поэзии Фета оставляет сомнения в том, что он искал Бога?.. Искал и нашел Его.

– Но вот Аполлон Григорьев вспоминал, что когда они жили вместе в студенческое время, то Фет посмеивался над религиозностью своего товарища.

– Было такое... Может показаться, что это не относится к теме, но я приведу здесь два эпизода из жизни Фета: один из ранней его юности, другой из времени первого года его службы в полку. Это два сходных по своей сути пари. Первое. В 1838 году Фет несколько месяцев перед поступлением в Московский университет находился в пансионе у Михаила Петровича Погодина, литератора, историка, профессора. Воспитателем и учителем пансионеров был вовсе не Погодин, а Иринарх Введенский.

– Кажется, Введенского называли «отцом русского нигилизма»?

– Да, это о нем. Как и чему учил отроков Введенский, видно из того, что он заключил с Фетом пари о том, что Фет и через двадцать лет будет «отвергать бытие Бога и бессмертие души человеческой».

Второе. Где-то в 1845–1846 годах во время офицерской попойки также было заклю-

чено пари: Фет должен был ночью пойти один на кладбище, влезть на леса, сооруженные возле храма, и нарисовать что-нибудь на стене. Это будет подтверждением того, что он не побоялся побывать один ночью на кладбище. Фет взял кусок мела, пошел на кладбище, влез на леса и нарисовал на церковной стене, как он пишет, «собачью морду с рогами, с когтями на руках и крючковатым собачьим хвостом». Фет выиграл пари. Наградой было несколько бутылок вина, которых он, как пишет, все же не получил.

Так что темные силы тогда явно присутствовали в душе Фета. Он не заботился о внутренней жизни и, конечно, был легкой добычей разрушительных сил. Они заставляли его гнаться за материальными благами, погружали в беспредельный эгоизм, в честолюбивые мечты. Фет стал даже причиной гибели дорогого ему человека.

– Как это могло произойти?..

– Было так: после университета Фет поступил на военную службу. Оказался в гарнизоне под Херсоном и познакомился в соседнем имении с девушкой, дочкой обедневшего генерала в отставке. Ее звали Мария Козьминична Лазич. Ей тогда исполнилось двадцать два года. Она была очень чуткой и культурной барышней.

– Мария знала о том, что молодой офицер – талантливый поэт?

– Конечно! Она с детства любила стихи Фета – ведь он лет десять публиковал их в периодике, была у него уже и книжка «Лирический Пантеон». Мария прекрасно знала и русскую, и мировую поэзию. Вот что вспоминал Фет: «Я скоро изумлен был ее обширным знакомством с моими любимыми поэтами... Ничто не сближает людей так, как искусство вообще – поэзия в широком смысле слова. Такое задушевное сближение само по себе поэзия. Люди становятся чутки и чувствуют и понимают то, для полного объяснения чего никаких слов недостаточно...».

– Как это верно... Сейчас мне вспомнилось, что и в моей юности это было: за девочкой, в которую я был влюблен, я бродил с томиком стихов...

– Лазич и Фета сблизил еще и музыка, ведь Мария была прекрасной пианисткой. Приезжавший во время турне по России в Елисаветград Ференц Лист, выслушав ее игру, не только похвалил ее, но и вписал ей в альбом нотную строку, какую-то очень красивую и задушевную мелодию, которая так нравилась Фету, что он просил Марию проиграть ее, и не раз, и даже стихи написал об этой мелодии.

Самое, пожалуй, знаменитое стихотворение Фета «Шепот, робкое дыханье...» написано при жизни Лазич, в лучшие дни их отношений.

Мария Лазич. Середина XIX века

Так они полюбили друг друга. Фет писал своему приятелю: «Я ждал женщины, которая поймет меня, и дождался ее». Но Фет не решался жениться. Своей нерешительностью измучил и Марию, и себя.

– Ситуация вполне современная. Сейчас молодые люди оправдываются необходимостью «встать на ноги»: накопить на квартиру, сделать карьеру. Чем оправдывался Фет?

– Примерно тем же. Он, действительно, был беден, получал гроши. И Лазич была бедна. Кроме того Фет мечтал вернуть себе утраченное дворянство.

И вот Фет пошел на полный разрыв. Если б он знал, в какое отчаяние привел Марию! Она почувствовала, что от нее ускользает вся ее жизнь. Много она упрасивала, умоляла его не обрывать переписку, но наконец поняла, что все кончено.

Осенью 1850 года Фет был сражен страшной новостью: Мария погибла.

– Что же случилось?

– Дядя Марии, Михаил Ильич Петкович, так поведал об этой трагедии. Устав от занятий музыкой с младшей сестрой, Мария прилегла с книжкой на кушетку и закурила папироску, а спичку бросила на пол. Ее кисейное платье касалось пола. Спичка не погасла, а зажгла платье. Пламя вспыхнуло быстро. Мария растерялась: сестренка ее в испуге замерла. Никого из людей здесь больше не было. Мария, вся в огне, пробежала по анфиладе комнат, открыла балконную дверь – от свежего воздуха огонь вспыхнул еще сильнее и охватил голову. Она закрыла лицо руками и крикнула сестре: «Ради Неба, спаси письма!». Мария имела в виду письма Фета: они были в опасности, так как везде горели отпавшие куски платья. Девушка бросилась по сту-

¹ Первая беседа – посвященная Лермонтову – была опубликована в предыдущем номере.

пенькам в сад и там упала. На крики сестры прибежали люди, которые отнесли Марию, всю обгоревшую, в спальню. Через четыре дня в невероятных муках она скончалась со словами: «Он не виноват, а я».

– Что произошло с Фетом после этого известия?

– Это был уже совсем другой Фет. Он понял, что потерял женщину, которую любил всеми силами души. Потерял счастье своей жизни.

Спустя время стал богатым помещиком, поместным дворянином, камергером императорского двора. Однако Марию уже было не вернуть. И Фет всю оставшуюся жизнь мучился тем, что оставил ее, винил себя в смерти девушки. Он горько каялся и страдал, и в стихах его, конечно, только часть этого страдания. И эта часть – его лучшие стихи.

Все стихи Фета, написанные после гибели Марии, группируются по берегам этого покаянного потока. *«Как велика души моей утрата! // Как рана сердца страшно глубока!...»*.

– Эта история, мне кажется, принадлежит не только и не столько истории литературы. В ней – вечное нам напоминание о том, как хрупко первое чувство, как вообще хрупок и нежен сосуд жизни...

– Фет благоговейно сберегал в душе все, что было связано с Марией Лазич, с ее внутренним миром, со всем, что ее окружало повседневно и во время встреч с ним. В ином стихотворении, кажется, нет ее, но это только кажется нам, не умеющим вникнуть в тот простор, в ту глубину, которые заключены в стихотворении, а там все – и музыка слова, и краски природы, и чувство поэта – все о ней. *«И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить, // Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить. // Та трава, что вдали на могиле твоей, // Здесь на сердце, чем старе оно, тем свежей...»*.

Стихи, посвященные Лазич, не измышлены, не «сочинены», нет! Поэт жизнью платит за Божий дар – память сердца. *«Где ты? Ужель, ошеломленный, // Кругом не видя ничего, // Застывший, вьюгой убеленный, // Стучусь у сердца твоего?...»*.

Фет был исповедальен, весь открыт...

– Но это не все чувствовали и понимали.

– Кто же мог тогда – какой читатель? – при жизни Фета понять, что это, о чем и зачем? Даже друзья Фета не понимали, почему он, будучи в преклонных годах, продолжал писать о любви. Константин Николаевич Леонтьев, писатель и философ (в конце жизни – монах Климент), был в дружеских отношениях с Фетом. Он прочел «Вечерние огни» и так рассердился, что решил написать Фету письмо «с дружеским советом о любви умолкнуть». Об этом на-

мерении узнал духовник Леонтьева старец Амвросий и запретил писать такое письмо, сказал: «Пусть уж старика за любовь-то не прониимает. Не надо».

– Старец был знаком с Фетом?

– Очевидно, только по рассказам Леонтьева. Но этого ему было достаточно. Его всепроникающая интуиция многое могла ему открыть и по самым скудным сведениям. Именно так бывало много раз. Вот он и сказал: «Не надо». Он понял, что у Леонтьева неправильное мнение о Фете.

Душа Марии Лазич не отходила от Фета всю его жизнь: последнее стихотворение, посвященное ей, было написано в 1892 году, в год смерти поэта («Все, что волшебным так манило...»). Свет этой любви, этого покаяния пронизывает все поэтическое творчество Фета: когда проходишь по главной тропе, то получаешь некую способность видеть разнообразные отзвуки этого страдания, отголоски образа Марии Лазич во многих стихах.

Помните? *«Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали // Лучи у наших ног в гостиной без огней. // Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали...»*. И в конце там: *«А жизни нет конца, и цели нет иной, // Как только веровать в рыдающие звуки, // Тебя любить, обнять и плакать над тобой...»*. Почему-то считается, что эти стихи посвящены Татьяне Кузьминской, сестре Софьи Андреевны Толстой. Но я убежден, что они посвящены Марии Лазич. Это воспоминание о ней.

Вообще, если Фет посвящал потом стихи другим женщинам, то это всегда было воспоминание о погибшей любви.

– По поводу стихотворения «На качелях» Буренин злословил: «Представьте себе семидесятилетнего старца и его “дорогую”, “бросающих друг друга” на шаткой доске... Как не обеспокоиться за то, что их игра может окончиться неблагополучно для разыгравшихся старичков!». Вот до какой мерзости доходила критика.

– Фет как ребенок удивлялся, что людям приходит такое в голову.

– Ведь для чистого все чисто.

– Вот именно! Он писал Полонскому по поводу этого стихотворения – всего-то двенадцать строк! – и поднявшейся газетной травли: «Сорок лет тому назад я качался на качелях с девушкой, стоя на доске, и платье ее трещало от ветра, а через сорок лет она попала в стихотворение, и шуты гороховые упрекают меня...».

– Но все-таки «Вечерние огни» принесли Фету славу...

– Славу? «Вечерние огни» печатались в количестве 700–800 экземпляров и при этом не были распроданы в течение многих лет.

– Получается, что Фета нельзя понять, не зная трагической истории его любви?

– Фета нельзя понять вне Марии Лазич. Земного бессмертия не существует, но пока по милости Божией мир наш стоит, пока люди читают стихи, память о Марии Лазич будет жить на земле. Образ юной страдальницы, много потерпевшей за свою любовь, как ангел, летит над русскими полями. Не будь ее – не было бы того Фета, который навсегда остался в русской поэзии.

– Но вот кто-то спросит: что же он со своим покаянием не шел в храм?

– Фет бывал в церкви. Когда он жил в Москве на Плющихе, то посещал службы в Новодевичьем монастыре. Но после сорока лет у него открылась астма, лечить ее тогда не умели. Афанасий Афанасьевич жил летом в своей Воробьевке, часто не имея сил даже выйти на террасу. Он еле-еле дышал.

Вообще надо сказать: он слишком себя загрыз. Отвечая в домашней анкете в доме Толстых на вопрос: «Долго ли бы вы хотели жить?», он пишет: «Наименее долго».

– Во многих воспоминаниях современников можно встретить язвительные и насмешливые отзывы о Фете как о скарденном и грубом старике.

– Да, он до самой старости боролся с грехами своей бедной юности: честолюбием и сребролюбием. Но эти грехи не уничтожили в Фете поэта, не уничтожили и огромного дара любви – в самом широком, христианском его понимании. И что наши человеческие суды! Все ли нам открыто о Фете?..

– После всего, о чем вы рассказали, как-то неловко вспомнить, что в школе мы его «проходили» лишь как «певца природы»...

– У Фета природа не сама по себе, она – Божие творение. Она как ангел рядом с душой человека – умеет только понять. Природа в стихах Фета имеет самое прямое отношение к вере: природа средней полосы России – это храм, где хранится православная вера. Здесь все благословлено Господом. Над этими полями и лесами летит церковный благовест. Издалека видны белые стены и золотые или голубые купола церкви с крестами...

Читаешь Фета и чувствуешь: да, Христова земля, недаром она так прекрасна... В теплую минуту веры вылилось из души Фета переложение Господней молитвы:

*Чем доле я живу, чем больше пережил,
Тем повелительней стесняя сердца пыл,
Тем для меня ясней, что не было от века
Слов, озаряющих светлее человека:
Всеобщий наш Отец, Который в небесах,
Да свято Имя мы Твое блюдем в сердцах,
Да придет Царствие Твое, да будет воля
Твоя как в небесах, так и земной юдоли.
Пошли и ныне хлеб обычный от трудов,
Прости нам долг, – и мы прощаем должников,
И не введи Ты нас, бессильных, в искушенья
И от лукавого избави самогненья.*

ЛАСТОЧКИ

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши все кругом,
Следить за ласточкой стрельчатой
Над вечерующим прудом.

Вот понеслась и зачертила –
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла.

И снова то же дерзновенье
И та же темная струя, –
Не таково ли вдохновенье
И человеческого я?

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?
15–16 сентября 1884 года

В ЛУННОМ СИЯНИИ

Выйдем с тобой побродить
В лунном сиянии!
Долго ли душу томить
В темном молчании!

Пруд, как блестящая сталь,
Травы в рыдании,
Мельница, речка и даль
В лунном сиянии.

Можно ль тужить и не жить
Нам в обаянии?
Выйдем тихонько бродить
В лунном сиянии!
27 декабря 1885 года

НА РАССВЕТЕ

Плавно у ночи с чела
Мягкая падает мгла;
С поля широкого тень
Жмется под ближнюю сень;
Жаждою света горя,
Выйти стыдится заря;
Холодно, ясно, бело,
Дрогнуло птицы крыло...
Солнца еще не видать,
А на душе благодать.
1 апреля 1886 года

* * *

Прости – и все забудь
в безоблачный ты час,
Как месяц молодой на высоте лазури;
И в негу вешнюю врываются не раз
Стремленьем молодым пугающие бури.

Когда ж под тучею, прозрачна и чиста,
Поведает заря, что минул
день ненастья, –
Былинки не найдешь и не найдешь листа,
Чтобы не плакал он и не сиял от счастья.
26 декабря 1886 года

НА КАЧЕЛЯХ

И опять в полусвете ночном
Средь веревок, натянутых туго,
На доске этой шаткой вдвоем
Мы стоим и бросаем друг друга.

И чем ближе к вершине лесной,
Чем страшнее стоять и держаться,
Тем отрадней взлетать над землей
И одним к небесам приближаться.

Правда, это игра, и притом
Может выйти игра роковая,
Но и жизнью играть нам вдвоем –
Это счастье, моя дорогая!
26 марта 1890 года

* * *

Опять осенний блеск денницы
Дрожит обманчивым огнем,
И уговор заводят птицы
Умчаться стаей за теплом.

И болью сладостно-суровой
Так радо сердце вновь зануть,
И в ночь краснеет лист кленовый,
Что, жизнь любя, не в силах жить.
7 сентября 1891 года

* * *

Она ему – образ мгновенный,
Чарующий ликом своим;
Он – помысл ее сокровенный;
Да кто это знает, да кто это выскажет им?

И, словно велением рока,
Их юные крылья несут...
Так теплится счастье далеко,
Так холоден ближний, родимый приют!

Пред ним – сновидение рая,
Всевластный – над ней серафим;
Сгорает их жизнь молодая...
Да кто это знает, да кто это выскажет им?
3 апреля 1892 года

Дмитрий Шеваров

Он видел только солнечный свет

*Любовь есть душа нашей души...
Ведь без любви наша душа засохнет,
замрет. Не правда ли?*

В.Э. Борисов-Мусатов.
Из письма Л.П. Захаровой
22 января 1901 года

Кто помнит картины Борисова-Мусатова, тот вспомнит и этот дом. Классическая русская усадьба с белыми колоннами, зеленой крышей, широкой террасой и флигелем неподалеку. На мусатовских этюдах усадьба стоит на высокой горе, рядом с облаками, от нее спадает широкая просека и ведет пустынная тропинка.

Сколько гибельных эпох отгремело со времен «Весов» и «Мира искусства»! Все нарисованное художниками той поры давно обратилось в миф, покрылось патиной времени, и нам странно представить, что воздушный, почти призрачный дом на мусатовских полотнах – это не «вообще усадьба», не символ, рожденный фантазией и тоской художника, а живой, реальный дом с адресом, с почтовым индексом, со своими обитателями, с холодом ступеней и скрипом половиц. И дождь, что идет сейчас за окном, стучит и по его старой крыше...

«Дом в Введенском. День». Акварель.

«Дом в Введенском. Вечер». Гуашь.

«Дом в Введенском на закате». Темпера.

«Сон божества». Акварель. Эскиз неосуществленной фрески.

«Парк погружается в тень». Акварель. Этюд...

И везде этот дом – чуть дальше, чуть ближе. Все происходит вокруг него: шестствие деревьев, женщин, облаков, все обтекает его.

Борисов-Мусатов провел здесь свое предпоследнее лето. Вернее, его вторую половину: конец июля и август 1904 года. Это совсем рядом со станцией Звенигород, минут десять ходьбы.

Усадьбу Введенское проектировал поэт и архитектор Львов на излете восемнадцатого столетия. А принадлежала она в разные времена то Голицыным, то Шереметевым, то Лопухиным. В начале двадцатого века комнаты во флигелях сдавали дачникам. В летние месяцы здесь бывали Чехов, Чайковский, художница Мария Якунчикова. Над аркой ворот перед иконой горела по вечерам лампада.

Когда я сырым парком спустился вдоль просеки и вышел на нее по траве, то, оглянувшись на дом, увидел... мусатовскую картину. Мне даже показалось, что

Автопортрет. 1904–1905

мольберт художника стоял именно на том месте, где я обернулся. Здесь гуляла его сестра Елена вместе с подругами. Виктор просил их одеться в платья, сшитые по образцам моды восемнадцатого века. Шила их мама художника, а криолин Виктор делал сам.

Он мучительно искал потерянный его современниками образ истинной женственности, неотмирной красоты. Он говорил: «Женщина в старинном платье с кринолином менее чувствительна и больше похожа на облака и на деревья...».

Сто лет назад, в 1912 году, дом в Введенском перестроили, дерево заменили камнем, и усадьба будто немного сдвинулась влево. Рядом с колоннадой выросла ель, которой не было при Мусатове, а у флигеля – береза. Липы вдоль просеки разрослись в стороны, и просека оттого стала теснее, плотно подошла к дому. Совсем не изменился лишь сам обрыв, а сбегаящая с высоты тропинка в точности повторяет те извивы, что она делала летом 1904 года. Две сосны, что видны справа на картинах Мусатова, смотрятся теперь грузнее и дремучее, но их можно без труда узнать.

Сейчас здесь санаторий. А в войну был госпиталь. А до того – приют для беспризорников. И все-таки этому дому повезло.

Как-то около Подольска я набрел на полуразрушенную усадьбу. Много лет она стоит без крыши, без оконных рам, даже без перекрытий и пола там, где был второй этаж. В целости остались лишь огромная терраса, боковые лестницы, ведущие к ней.

Каждый день я возвращался к своей находке, ожидая от себя какого-то археологического любопытства, мальчишеского, азартного. Но все грустнее мне было подниматься по чугунной лестнице, смотреть в заросший парк, облокотившись на решетку уцелевшей террасы. Даже сталинградские руины, у которых я много раз был, касались сердца не так, как эти.

В силу своей оплавленной очевидности разрушения войны всегда понятнее, чем руины, случившиеся как бы сами собой, под нашествием ежедневного запустения, бытового одичания, рутинной злобы. И некуда деваться от смущения: здесь шумела и шептала чья-то жизнь, здесь были долгие обеды с окрошкой и чай в пятом часу. Здесь были чьи-то ненаглядные, единственные на свете пенаты...

Борисов-Мусатов много месяцев писал картину «Гармония». Но все что-то мешало. То он расставлял на поляне стулья, необходимые для задуманной композиции, и вдруг начинал сыпать снег. Или кончались деньги, и надо было срочно браться за другую работу.

Последние годы жизни Мусатова пришлось на выморочное время. Почти все упивались разладом, торопили грядущее крушение, столичная публика предавалась порокам, а плохие поэты пытались на манер Бодлера все это воспевать. Критика хотела сдернуть с Мусатова «розовые очки», открыть ему глаза на действительность. А он все видел, но движение его души было обратным тому, что происходило в жизни. «Я нашел себе свой мир, – писал он в одном из писем. – И ничто уже меня не может выбить из моей колеи... Человек носит счастье в себе самом. Я его имею и верю, что в нем не разочаруюсь до конца. Я счастлив, готов любить вас всех и могу снисходительно переносить незаслуженные удары. Потому что мне кажется, что я сильнее вас всех...».

Мусатова допекали упреками в эстетизме, мистике, холодных фантазиях, а судьба возьми и сохрани столь любимый им ландшафт, да еще в таких подробностях, как изгиб тропинки и абрис облака, наплывающего из-за дома...

Из письма Борисова-Мусатова сестре Елене, 23 октября 1905 года: «Теперь, быть может, надо учиться, как делать перевязки...».

Художник умер от простуды, прокатившись на лодке по Оке в конце октября. Он так и остался единственным русским художником, ни на одной картине которого нет снега. Вместо снега он бросал

на землю серебристый шелк. Оттого его этюды и отдают тем рассеянным ровным светом, который принимают за холод.

«Ну что Вам сказать насчет “холода” моих картин? – грустно писал Мусатов в одном из писем. – Право, не знаю. Наденьте плед, завяжите потеплее горло, когда соберетесь их смотреть. А после примите 20 грамм хинина... дабы не простудиться. Хотел бы я – и очень даже – напустить в них тепла, жару... Да не могу. Учился я у разных “корифеев” русского искусства. Страстно сам хотел, как у них, вкладывать все в рыжий свет коптящих керосиновых ламп. А видел только солнечный свет – яркий, как серебристый шелк с холодными тонами перламутра...».

Уходя из Введенского, я простился с домом, тронув его штукатурку. С горы было видно, как в Звенигороде ветер сносит дымки из труб. Зябко. В такой, быть может, день и Мусатов уезжал отсюда,

оставляя ранние свечи в большом доме. Бабочки тыкаются в темноту, как в стену, а кто-то убегает вниз, по аллее, осыпая дождевые капли с сирени.

«...Теперь я сижу в Тарусе. В глуши. На пустынном берегу Оки. И отрезан от всего мира. Живу в мире грез и фантазий среди березовых рощ, задремавших в глубоком сне осенних туманов. Уже давно я слышал крик журавлей. Они пролетели куда-то на юг, бесконечными рядами в виде треугольников. Крик их наполнил эти леса мелодией грусти старинной, которую я когда-то знал. Крик их замер, и только белка рыжая нарушает кружевные сновидения березовых рощ. Вы думаете, я скучаю. Нет. У меня времени не хватает каждый день. Хотя я сижу дома... Я создал себе свою жизнь. Как-то странно – такая тишина среди всеобщего смятения. Какие-то слухи долетают до меня. Какие-то дороги забастовали. Какие-то на-

дежды, какие-то ужасы. Нет ни писем, ни газет. Одни догадки... Одни слухи... Как странно. Давно ли я был в Москве, в столице Российской империи и скоро вновь буду в ней, но уже в столице Российской республики. Как в сказке. Заснул. Проснулся. Прошло мгновение ока. А между тем уже сто лет пролетело. Повсюду жизнь. Повсюду свободные граждане...».

Это последнее письмо Виктора Борисова-Мусатова (оно адресовано Александру Бенуа). Сколько в нем глубокой внутренней тишины. Мало кто в ту пору – осень 1905 года – мог написать такое письмо. всю страну лихорадит, рушится царство, а он – об осенних туманах и рыжей белке. Но и тут же, как дань времени, – иллюзии и пророчества о грядущей свободе.

И вот сегодня можно бы повторить за Мусатовым: «Повсюду жизнь. Повсюду свободные граждане...».

Все бы хорошо, да журавли улетели.

ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

2 (14) апреля 1870. Родился в Саратове в семье Эльпидифора Борисовича и Евдокии Гавриловны Мусатовых, бывших крепостных, приписавшихся к мещанскому сословию. Отец был железнодорожным служащим. Незаурядной личностью был дедушка будущего художника, Борис Александрович Мусатов. Впоследствии художник присоединит его имя к своей родовой фамилии, отсюда - Борисов-Мусатов.

1873. Мальчиком упал со скамейки, получив тяжелейшую травму позвоночника. В результате травмы у него стал расти горб.

1876. Под влиянием отца увлекся рисованием. До наших дней сохранилась самодельная книжечка П.П. Ершова «Конек-Горбунюк», сделанная Эльпидифором Борисовичем для своего сына.

1881. Стал учеником второго класса Саратовского реального училища и художественных классов при саратовском Радищевском музее.

1884. Несмотря на слабое здоровье и на постоянные боли в спине, Виктор решает связать свою жизнь с живописью. «Окно» – одна из первых картин, написанная им в те годы, – находится сейчас в Государственной Третьяковской галерее.

1890. Уезжает в Москву поступать в Училище живописи, ваяния и зодчества.

1891. Становится вольнослушателем в Академии художеств в Петербурге, но сырой питерский климат плохо влияет на его здоровье. Художник вынужден оставить Петербург. В Москве Виктор посещает кружок, где встречает свою будущую жену, художницу Елену Владимировну Александрову.

1895. Оставил московское училище. Летом совершил путешествие по Кавказу и Крыму. Осенью отправился в Париж продолжать свое художественное образование. Большое влияние оказали на него итальянские мастера фресковой живописи эпохи Раннего Возрождения Фра Беато Анджелико и Сандро Боттичелли, а также классик французской монументальной живописи Пюви де Шаванн.

1895–98. Живет в Париже, занимается в частной студии Ф. Кормона, внимательно изучает живописную систему им-

прессионистов. Приобрел камеру «Кодак» (теперь ее можно увидеть в саратовском доме-музее Борисова-Мусатова), обучается фотоделу.

1898. Вернувшись в родной город, пишет «Автопортрет с сестрой» и продолжает заниматься фотографией. Чаще всего фотографирует свою сестру Елену и ее подруг. Вскоре фотография становится для художника не только любимым занятием, но и одним из направлений творческих поисков. Портретные фотозтюды он использует для написания своих живописных работ. До наших дней дошли более семидесяти фотографий, сделанных Борисовым-Мусатовым.

1899. Вступает в Московское товарищество художников.

1903. Венчание Виктора Борисова-Мусатова и Елены Александровны.

1904. Сотрудничает с журналом «Весы». В связи с организацией персональной выставки в Германии выехал за границу; посетил Париж, Берлин, Гамбург, Мюнхен, Дрезден. В декабре родилась дочь Марианна. (Впоследствии она окончит Ленинградское художественно-промышленное училище и станет книжным графиком).

1905. Осень Мусатов с семьей проводит в Тарусе на даче Цветаевых. Как и всегда, много и плодотворно работает. Но внезапно 26 октября (8 ноября) 1905 года Борисов-Мусатов скончался. Ему было 35 лет.

На фоне событий первой русской революции его уход остался почти незамеченным. Похоронили художника согласно его завещанию на берегу Оки в Тарусе, на косогоре, который с тех пор зовется Мусатовским. Позднее на могиле поставили памятник работы его друга, А.Т. Матвеева, с изображением спящего мальчика.

Работы В.Э. Борисова-Мусатова вам готовы показать:

Государственная Третьяковская галерея (Москва)
Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)
Государственный художественный музей имени А.Н. Радищева (Саратов)

1. Майские цветы.
1894
2. Натюрморт.
1901
3. У водоёма.
1902
4. Реквием.
1905
5. Летняя мелодия.
1904
6. Осенний вечер.
1905
7. Сон. Введенское.
1905
8. Гармония.
1900

Автомобильная трасса Симферополь – Старый Крым – Феодосия пользуется большой популярностью у тех, кого полуостров привлекает к себе не только солнцем, морем и дивными пейзажами, но и своими уникальными возможностями для духовного просвещения и обретения внутренней гармонии. Именно по этой дороге ежегодно тысячи паломников едут в Топловскую Троице-Параскевиевскую женскую обитель и в армянский мужской монастырь Сурб Хач (монастырь

Святого Креста). Путешествие это обычно бывает необременительным – в хорошую погоду взору паломника предстают силуэты невысоких гор, плавно протянувшиеся с севера на юг. Весной, особенно в мае, здесь удивительно многообразны оттенки зеленого цвета на их пологих склонах. Соединяясь с желтыми, красными, фиолетовыми, синими цветочными коврами равнин, они образуют фантастически красивые картины. Здесь красота Божьего мира являет себя в полном откровении.

Крымская сестра нашего храма Там, где пролегли пути первых апостолов и паломников

Названия встречающихся поселений – не только география, но одновременно и суть этой земли: Урожайное, Донское, Цветочное, Богатое, Тополевка, Земляничное. А порой и ее история: года три назад в районе села Грушевка появился новый дорожный указатель: «Древний храм I–IV вв». Часто проезжая по здешним местам, я обратил внимание на эту подсказку, но все как-то не доходило руки, а точнее – ноги. Если быть предельно точным – докатились колеса нашего автомобиля.

Этим маем, в очередной раз подъезжая к Грушевке, я, моя жена Татьяна и наш водитель Андрей, не сговариваясь, практически одновременно, хором сказали: «Свернем-ка к древнему храму, сколько можно проезжать мимо?». Проехав около километра по каменистой дороге и сделав один поворот, мы очутились перед культовым сооружением, представляющим собой реконструкцию более раннего, вполне возможно очень древнего, христианского храма. На его крыше установлен православный восьмиконечный крест. Текст на синей доске, прикрепленной к стене здания, гласит: «Церковь в честь иконы Божией Матери “Знамение”». Происходящее казалось невероятным,

но, как любят говорить искушенные жизнью практики: «Факты – упрямая вещь!». Я, Рутковский Вадим Евгеньевич, автор журнала «Лампада», издаваемого в Москве храмом иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине, обнаружил в далеком Крыму нашу родную духовную сестру.

Как же выглядит наша близкая крымская родственница? Вид ее необычен: из бутового камня сложено большое прямоугольное здание, украшенное скромными фронтонами. Аскетическая внешность Знаменской церкви в Грушевке оживляет в памяти воспоминания о событиях, последовавших вскоре после распятия и воскресения Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа. Христианство появилось в Таврике (древнее историческое название Крыма) в I веке, когда полуостров был далекой окраиной Римской империи. Распространение истинной веры в Крыму церковное предание связывает с проповедью апостола Андрея Первозванного, бывшего одним из ближайших учеников Спасителя. По бурному, негостеприимному морю на борту какой-нибудь попутной триеры, с караваном по горным тропам, по степи и пустыне под палящим солнцем

и пронизывающим ветром апостол неуверенно двигался вперед – к людям – таким разным, но равно любимым детям единого Творца.

Автор повествования об Андрее Первозванном иерусалимский монах Епифаний со своим спутником Иаковом прошел по предполагаемому пути любимого ученика Христа. Маршрут апостола пролегал из Боспора в Феодосию, а оттуда в Херсонес, или Херсонис, современный Севастополь. По одной из версий, он продвигался морем, а по другой, более интересной, по мнению краеведов, шел пешком, не переставая просвещать местных жителей. Д.М. Струков (1827–1899) – художник, археолог и краевед XIX века, изучавший историю распространения христианства на юге России, писал: «Святой апостол Андрей <...> отправился на проповедь Евангелия по берегам Черного моря, был в Синопе, оттуда был в Грузии, Армении, шел по горам Кавказа и из Севастии по берегу достиг <...> Тавриды, где был в городе Боспор (Керчь), потом отправился в Феодосию, а далее за неимением исторических преданий можно предположить, что путь апостола был через Карасу-Базар на Топлау или Отузы».

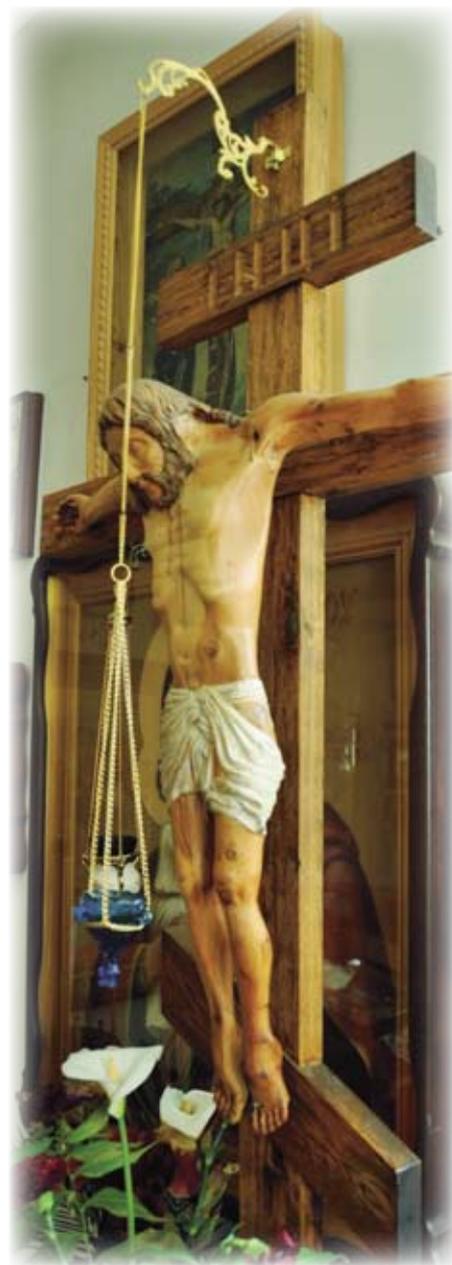
Нас должно заинтересовать одно из упомянутых дотошным краеведом географических названий – селение Карасу-Базар. Так в древности назывался Белогорск – современный город районного значения в Крыму, центр Белогорского района. Одного взгляда на карту Крыма достаточно, чтобы понять, что из Феодосии в Херсонес апостол Андрей двигался путем, где ныне проходит автомобильная трасса Симферополь – Старый Крым – Феодосия, ведь эти населенные пункты, включая Белогорск, находятся именно на ней. Неудивительно, что по

следам движения пламенного проповедника веры Христовой появлялись храмы – тогда еще только пещерные. Надземные христианские церкви стали строить только в IV веке, когда император Константин сделал христианство государственной религией.

Основным типом раннехристианского наземного храма стала базилика – одна из наиболее гармоничных и совершенных архитектурных форм поздней античности. Скорее всего, таким был и древний прототип церкви в честь иконы Божией Матери в Грушевке. Подтверждает это, к сло-

ву, и так называемый «алтарь в алтаре»: небольшое помещение, крытое сферическим куполом, держащимся на специальных «закладных камнях», – так выглядела часовня первых веков во имя равноапостольной Марии Магдалины.

В эпоху нашествия гуннов часовня была разрушена, а восстановлена в VI веке, когда Таврида находилась под властью Византии. Тогда же, чтобы обезопасить людей от новых военных бедствий, строители выкопали подземный ход, следы которого также можно увидеть в церкви.

Церковь в Грушевке: крымская сестра нашего храма

В 1330 году в селении Салы (историческое название современной Грушевки) появились армяне – переселенцы из города Ани, захваченного турками. Руины часовни апостольских времен надежно укрыл алтарь церкви, освященной в честь равноапостольной Нины – просветительницы Иверии и преподобного Григория – просветителя Армении. На стенах церкви можно увидеть изображения процветшего креста – хачкары, вырезанные в белом камне 600–700 лет назад.

В 1779 году христианское, в том числе армянское, население Крыма было переселено на Дон. Село опустело. Но вскоре после присоединения Крыма к Российской империи в Салы были посланы отставные солдаты. Вместе с домами-мазанками новые жители построили и церковь.

Храм предназначался не только для селян, но и для расквартированного в Салах Таврического конного полка. По преданию, командир полка передал в дар старинную кремлевскую икону Божией Матери «Знамение». Архивные документы сообщают, что «в 1792 году в селе из армянского храма была построена каменная православная церковь и освящена в честь Знаменской иконы Божией Матери».

Село крепло, население увеличивалось, и в 1864 году церковь была расширена пристройкой двух боковых приделов, а спустя пять лет у храма

появилась колокольня невиданной высоты – 42 метра! Звонницу украшал царь-колокол весом 165 пудов.

История Знаменской церкви в Грушевке тесно связана с именем знаменитого богослова и выдающегося проповедника архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (святого Иннокентия Таврического), в миру – Ивана Алексеевича Борисова (1800–1857). Архиепископ Иннокентий обвенчал в церкви сразу 43 пары новых жителей села – отставных солдат и специально привезенных для них невест, потомки которых по сей день живут в Грушевке. Сегодня село имеет все признаки старинного, крепкого поселения. Его жители берегут память о добрых делах своих земляков. Так, например, на местном общественном источнике (фонтане) чистой пресной воды мы обнаружили надпись: «Сооружен в 1890 г. старанием старосты Я. Саламатина».

Церковь в честь иконы Божией Матери «Знамение» в Грушевке не закрывалась до начала Великой Отечественной войны. В 1944 году, сразу после освобождения Крыма, в храме возобновились богослужения. Однако через пятнадцать лет церковь была закрыта – «по причине аварийного состояния здания». Колокольня и притвор – разрушены.

В 1994 году в Грушевке была зарегистрирована община в честь иконы Божией Матери «Знамение» и началось

В каком веке возносили молитвы Господу в этой часовне?.. О чем просили Его?

возрождение древней церкви. Спустя год житель Старого Крыма Владимир передал храму его святыню – старинную, XVIII века, храмовую икону Божией Матери «Знамение».

В алтаре чудом сохранилась древняя фреска с изображением молящегося Спасителя. Во время ремонтных работ в 2004 году были найдены мощи священнослужителя и старинное кадило. Ныне в храме находятся частицы мощей угодников Божиих: равноапостольной Марии Магдалины, святого Агапита – врача Киево-Печерского. Весьма почитаема икона святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мирликийского. К образу с особым благоговением прикладываются многочисленные путешественники: ведь храм расположен около оживленной автомобильной трассы, связывающей многие уголки полуострова. Приложились к святыне и мы, а также набрали в походную флягу кристально чистой родниковой воды из церковного колодца святого апостола Иоанна Богослова: ведь мы спешили в аэропорт, чтобы, прилетев в Москву, передать священнослужителям и прихожанам Знаменского храма в Ховрине поклон от их крымской сестры.

*Вадим Рутковский
фото автора*

*Грушевка – Старый Крым – Москва
Лето 2014 г.*

А вот и сама Грушевка

Александр Трифонов

Человек, которого устраивает этот мир Монолог кузнеца в паузах между молотом и наковальней с отступлениями и фотосъемкой автора

В середине пятидесятых, во время памятных всем очередных церковных гонений на Рязаничине рушили один сельский храм. Не поддавался крест, и вандалы, к ужасу местных жителей, заполонивших соборную площадь, подцепили его тросом к двум тракторам...

А после поехали в другую деревню. На повороте грузовик перевернулся. Несколько человек погибли на месте, остальные сильно покалечились. Среди выживших был и некий Андрей Лысяков. Он долго болел, но вылечился и даже стал славным на всю страну механизатором. Но тот давний грех давил его душу до последнего дня...

Об этом много позже рассказала юному Саше его мама, Евдокия Петровна. А жизнь Лысякова-младшего с тех пор сложилась так, словно он искупает отцовскую вину перед Богом. Правда, спроси его об этом – промолчит.

Еще солнце не коснулось вершин сосен, узко бегущих по берегу Шарташ-озера, а в кузне уж разгорается горн. Александр Андреевич, прикрывшись неизменным кожаным фартуком, разгоняет огонь до той мощи, когда металл за минуту становится белым. Едва уловимым движением выхватывает заготовку из огня и бережно – под многопудовый молот. Затем – опять в огонь – на наковальню. Тут-то начинаются чудеса. Сколько раз видел, никак не могу уловить, когда же в руках мастера возникает роза – алая, настоящая. И грустно смотреть, как алость ее уже тускнеет, переливаясь со стебля к цветку, превращаясь в сизую окалину. Лысяков откладывает поделку в сторону и словно думает вслух: «Слава Богу, день пошел...».

Пауза первая

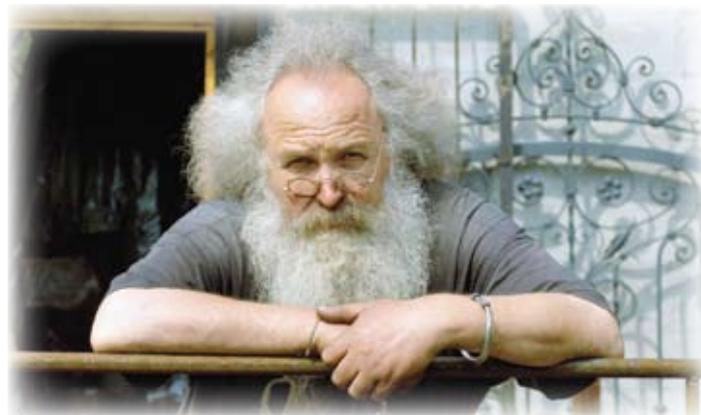
Это разминка кузнеца и непремный утренний ритуал. И визитная карточка Мастера. Розы повсюду в кузне –

их как символ он дарит друзьям и знакомым. Символ – чего? Вопрос мучает меня давно – сколько знаю самого Александра Лысякова, но как-то все не спрашивается...

Подтягиваются другие кузнецы, тихо переговариваются

в предрасветном сумраке – оживает пространство кузни, еще несколько минут назад казавшейся то ли музеем, то ли средневековой оружейной мастерской: по стенам шлемы и алебарды, мечи и кольчуги, копья, стремена, подковы и что-то еще, чего в темноте сразу не разглядишь и не угадаешь. Все умеют здешние мастера...

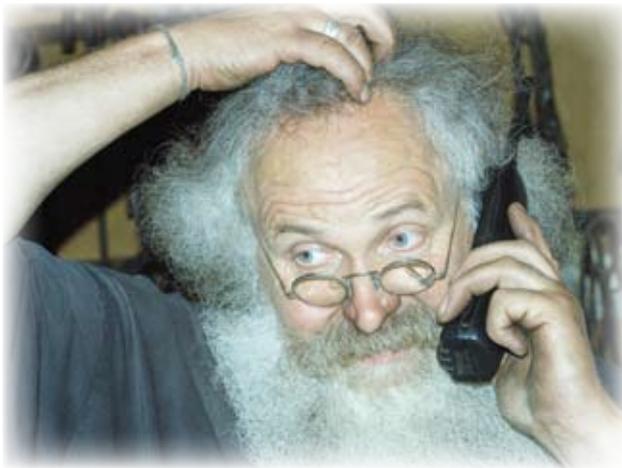
ПАУЗА ПЕРВАЯ. В нашем деле нужно быстро, за десять минут, провести... как бы ликбез для заказчика. Чтоб тебе поверили. Что и умеешь придумать, и владеешь линией, и понимаешь, как привязаться к архитектуре. И главное – чтобы заказчик думал, что все это он сам придумал. Ремесло и коммерция в одном флаконе. А куда денешься... Наши заказчики – это, прежде всего, современные удачливые люди, которые строят магазины, рестораны, офисы, свои дома, участвуют в реставрации храмов и памятников архитектуры. Про них всякое рассказывают, но я однажды услышал замечательную фразу: постарайся в любом человеке человеческое увидеть. И я следую этому правилу. Несмотря на то, что у него, к примеру, бритый затылок и он зашел сюда с тремя охранниками. Но ведь я знаю, что его когда-то любила мама, он был маленьким и беспомощным. А теперь его, может, хотят застрелить, и его охраняют. Значит, разговаривай с ним так, как будто ты его мама, а он твой сын. И все будет нормально.

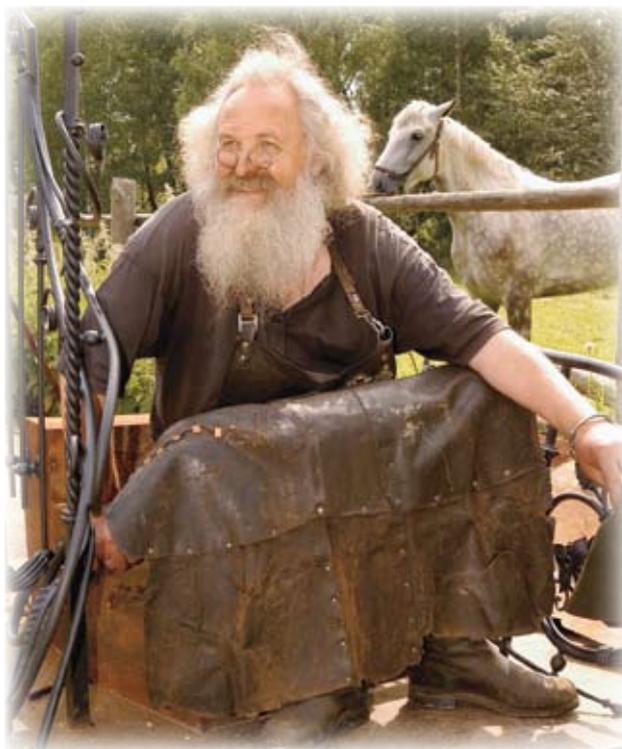
Пауза вторая

Я это много раз проверял. Иные напуганы, иные чрезмерно богаты, третьи считают последние копейки. Одно из самых главных качеств человека – умение расположить к себе. А это без веры невозможно. Потому что главное в нашей вере – это любовь.

Он это понял еще с того, теперь уж очень давнего, времени, когда работал в областной, в ту пору очень популярной, газете. Рязанский парень, волею солдатской судьбы заброшенный на Урал, он, имея лишь отечественный «Зенит» с парой объективов, быстро дал фору местным именитым репортерам, стал лучшим из них, а после – признанным фотохудожником. Он

Пауза четвертая

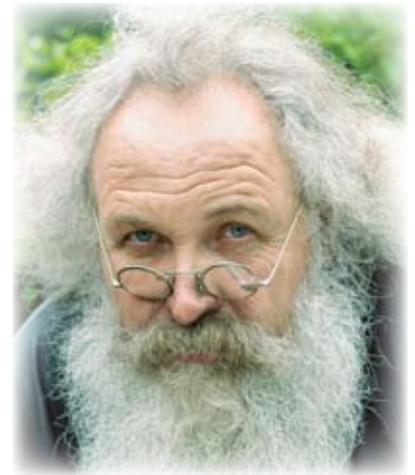
Пауза пятая

еще по-прежнему эпатировал публику неизменными хромовыми сапогами и косовороткой, мотался по краю, по заводам, возвращаясь в подвал редакции, где и проживал, куда запросто в любое время заглядывали друзья и знакомые. Увлёкся живописью, в подвале стало тесно от картин, но что-то томило... Томило и беспокоило. И вот однажды... Он, как признается теперь, с безумными глазами поведал друзьям-художникам, что им всем немедленно надо строить кузню! Иони пошли разбирать старый кирпичный дом. Один, помнится, сломал ногу, и его за это чуть не добила жена... И еще не было ни молотка в той кузне, ни наковальни, а на дворе – 1979 год, самый «застой», а Лысякову – 33 года от роду...

ПАУЗА ВТОРАЯ.

Когда говорят, что я стоял у истоков возрождения кузнечного ремесла на Урале, хохочу над этим газетным штампом. Ремесло не умирает. Что с того, что семьдесят с лишком лет ни кузнецы, ни настоящие мастера, владеющие ранее знаменитыми на Руси ремеслами, не были востребованы? Память крови сильна, неизбывна, никогда не погибает. Каждый из нас служит делу. Каменщик – камню. Плотник и столяр – дереву. А я – своему металлу. Это же – как вера: если она когда-то вошла в тебя, так это навсегда. Пусть даже она какое-то время молчит в тебе. Но она жива. Жива!

Насчет истоков возрождения Мастер лукавит. Сегодня он – общепризнанный на Урале законодатель мод в кузнечном деле: десятки, если не сотни домов оформлены его артелью, в художественных галереях – образчики их фантазий, кресты на

Пауза третья

возрождающемся древнем Верхотурском монастыре – тоже дело Лысякова со товарищи. Есть, признана на Урале школа Лысякова. Сам Александр Андреевич – почетный академик ЮНЕСКО по кузнечному делу. Хотя и утверждает, и я ему верю, что не придыхает от внимания к своей персоне, не признает наград и званий. И искренне считает, что до профессионализма Никиты Демидова, сына Антупьева, чей портрет на стене в кузне, ему далеко.

ПАУЗА ТРЕТЬЯ. В этой кузнице работают признанные мастера, в двух других – ребята помоложе, всего семнадцать мужиков да одна женщина, Ольга. У нас здесь много романтики, но еще больше – грубого реализма. За эту работу люди деньги платят. Значит, необходимо напряжение, и выдумка, и вдохновение. Нужно выдать определенный объем продукции, которую предстоит продать, а на вырученное – жить, содержать семьи. Так что здесь учатся не столько кузнечному делу, сколько жизни. Если новичка сразу не «завести», то он станет обузой для себя, для всех. Поэтому наша задача – его «выгнать»: принять и со второго же дня начать «выжимать». Не знаю, останутся ли они кузнецами, когда я буду совсем старым и отойду от дел. Они к тому времени выработают свой «горячий стаж», может быть, кто-то откроет собственное дело... Не знаю. Но то, что они будут мужественными и надежными людьми, это – да.

Особого ритма постукивание молотков, шипение воды, звяканье металла о металл... И снова...

ПАУЗА ЧЕТВЕРТАЯ. Они приходят сюда зрелыми мужиками, и кто

здесь будет с ними панькаться? Он же мужчина, он может и обидеться. Я тоже ни на кого не рассчитываю, не считаю нужным кого-то загружать своими беспокойствами. Я даже часто твержу себе: ты никому не нужен. И никто никогда не должен мною заниматься, с каких это пирогов? С чего это друг должен мою спину защищать? А может, у него десять детей и куча своих проблем? Поэтому я не имею на него никаких прав. И он на меня – тоже. И нету здесь гордыни...

Не могу не прокомментировать сказанное. По тому, как Лысяков живет, как относятся к нему ученики и вообще люди, понимаю: эти жесткие слова – от высокого счета к себе и от того, что всем, кого любит, он старается предельно облегчить жизнь.

Удостоиться места за столом под кленами рядом с Ольгой, Володей, Павлом, Костей, Сергеем, Олегом и самим Мастером – честь для немногих. Обед кузнецов, как понимаю, тоже своеобразный ритуал, подтверждение братства, единственная возможность поговорить о чем-то стороннем. У Ольги день рождения, и к рыбе Мастер разрешил немного сухого вина.

ПАУЗА ПЯТАЯ. Я работаю за десятилетия, от ребят того же требовать не могу. Когда ты, не разгибаясь, стоишь под молотом у горна, надо бы меру знать. И вот все мои ученики видят, что для меня главное – чтобы все крутилось, ни на минуту не останавливалось. И те, кто по десять лет со мной работают, понимают, что иной жизни нет. А может, есть?

Я сомневаюсь, что все они родились кузнецами. И порой думаю: а не отобрал ли я у них часть того жизненного пространства, в котором они бы полнее реализовались и не так много работали? Но, с другой стороны, я знаю: они теперь могут многое, если не все. В этой жестокой нынешней жизни они не пропадут. Я за них спокоен.

Странно, но я вовсе не улавливаю того напряжения в работе, о котором

говорит Александр. Она идет вроде бы сама по себе, неспешно, внутренние ее пружины дилетанту понять не дано. Догадываюсь: когда сам в движении, его не ощущаешь. Заметно к полудню подвинулось солнышко, на углях в горне появился чайник и такой же закопченный громадный котел с варевом на обед.

...Вечерняя заря догорает лишь в горне кузницы, уже безлюдной, кажется, устало вздыхающей. Металл прошел отмеренный ему путь и теперь живет в форме, задуманной Мастером. А тот присел наконец, смотрит покрасневшими глазами через надтреснутое стекло круглых, старомодных очков на этот угасающий огонь еще одного дня.

ПАУЗА ШЕСТАЯ, ПОСЛЕДНЯЯ. Что-то я делаю не так. Самое главное – то я и не делаю. Не служу Идее. А она есть. И я – ее избранник. Я это знаю. Все разговоры о моих кузнечных успехах ничего не стоят, если Богом человеку дана Идея, если он должен ей служить. А я не служу. Да, когда-то я смалодушничал. Да, я приблизительно знаю, чем мне следовало бы заниматься. Многие годы и до сих пор я боюсь этим увлечься, потому что я – самый

Пауза шестая

обычный человек. Если бы это было не так, то однажды я бы ушел туда. И не вернулся. Понимаю, что мог, но не совершил самого главного. Впрочем, никто тебя не судит и не осудит, и никому это не интересно. Знать-то знает человек свое предназначение, но слабостью духа, бесхарактерностью, волею обстоятельств, которые кажутся сильнее его, отступает, предает свое призвание. От этого я и страдаю. Самой малости нам всегда не хватает. Идея – это на уровне ангела, что-то странное и непонятное. Многим не суждено увидеть ангела. А кой-кому – суждено.

У человека, который с этим миром не бодается, а согласен с ним, пожалуй, остается только одно беспокойство – точно следовать тому, что предлагает ему Создатель. Где он вероятнее всего реализуется. Где найдет гармонию тела, души и поступков. Ну, устал сегодня как собака. Тебе нравится, спрашиваю себя, что ты устал? Да, нравится...

Выходит, я хотел именно этого. Короче говоря, за последние годы я понял только одно: меня устраивает этот мир.

Екатеринбург – Москва

Кузнец Лысяков и его «кузнечики»

Валерий Бурков: «У Бога одна цель – всех привести к Себе»

Бурков и Роза

Он провел меня в дом, оставил на кухне, где хлопотала его Роза, а сам исчез на несколько минут. Вернулся уже без протезов, передвигаясь по комнате на коленях. Только тогда я поверила, что у Валерия Буркова и правда нет ног. Как выяснилось, уже тридцать лет.

Настоящая легенда русской армии, летчик-«афганец», Герой Советского Союза, в середине 80-х повторивший подвиг Алексея Маресьева. Как и тот, потеряв обе ноги, он встал на протезы, через год снова стал летать и даже прыгал с парашютом и прослужил в армии еще тринадцать лет.

В 90-е годы началась новая, уже гражданская глава его биографии. Какие только страницы ни вписаны в нее!.. Занимается делами инвалидов в комитете при Президенте РФ. Участвует в подготовке правовых актов в поддержку людей с ограниченными возможностями. Активно помогает развиваться паралимпийскому движению. Предпринимательство. Издательская работа. Депутатская деятельность. И всюду он одинаково успешен.

Но к 2010 году, когда он был, казалось бы, на пике успешности, почувствовал, что зашел в тупик. Он вдруг увидел, что все, что ни делает полезного другим, оборачивается как бы против него: подвергается гонениям, злословию, клевете, его пытаются опорочить, лишиться самостоятельности... За что?! Он ощутил, что, по сути, одинок. И перед ним открылась вся суетность

его жизни. Но если так, то к чему стремиться, чему себя посвятить? Известно: у каждого своя дорога к Богу. По-своему неповторимая, трудная и прекрасная. Просто тогда он это еще не осознавал. Но – чувствовал.

Несмотря на то что Валерий Бурков был типичным советским офицером, он никогда в душе не был атеистом, чувствовал, что над нами всеми есть какой-то «Высший разум». И еще ему снились вещие сны. Даже ранение ему приснилось накануне отъезда в Афганистан. Был у Валерия Буркова и опыт клинической смерти во время операции, когда он видел свет в конце тоннеля.

В тот трудный для него момент ему надо было с кем-то посоветоваться, с тем, кто «не от мира сего». Что скажет ему мирской человек в ответ на его волнующие душу вопросы, он знал и сам. И поехал в монастырь, к людям, удаленным от мирской суеты, к людям с другим, не знакомым ему мировоззрением. И... нарвался. С ним даже разговаривать не стали, сказали только, чтобы сначала исповедовался, и выставили, даже не ответив на его недоуменный вопрос: «А как это – исповедоваться?». Сказали: «Иди купи книжку и почитай». На

следующий день он вновь приехал в монастырь, зная теперь уже из книги, что есть такая форма общения с монахами, как духовная беседа. И обратился с такой просьбой к наместнику монастыря. Тот дал указание монаху, но чернец через некоторое время куда-то исчез, так и не побеседовав с Валерием. «Да... – подумал тогда Валерий, – ну и порядки... Как в миру».

Третья попытка оказалась удачной! Монах, услышав историю о двух предыдущих, широко заулыбался и сказал, глядя ласково на Валерия: «Просто Господь хотел, чтобы ты ко мне пришел». И это оказалось именно так. Валерий получил исчерпывающие ответы на все вопросы. И когда спустя полгода Господь посетил Валерия призывающей к Себе благодатью, иеромонах Пантелеимон неоценимо помог ему правильно понять все происходящее с ним и твердо встать на единственно верный путь в жизни – путь, ведущий к Господу!

Его отец погиб в небе Афганистана в горящем вертолете в октябре 1982 года. Приняв эстафету от отца, сын полтора года спустя, 23 апреля 1984 года, едва не повторил его судьбу. В горах Панджшера только закончился бой. На макушке горы авианаводчик Валерий Бурков увидел грот, который нужно было проверить. Валерий ступил на какой-то камень – раздался взрыв.

Врачи собирали его по кусочкам. Когда он увидел себя без ног, почему-то сразу вспомнил прославленного летчика Великой Отечественной войны Алексея Маресьева и решил поступить так же, как он: вернуться в строй и снова летать. Но сначала нужно было хотя бы встать на протезы. Учился ходить, стирая ноги в кровь, испытывая боль, к которой невозможно было привыкнуть. И вот уже самостоятельно, без сопровождения, отправляется из госпиталя в санаторий – так быстрее.

– Когда я первый раз оказался один, то испытал очень горькие чувства, – вспоминает Валерий Анатольевич. – У меня слезы стояли: неужели так больно будет всю жизнь?! Ноги не шли. Они были полностью деревянные. Сесть было негде. Падал снег. Я был в отчаянии. Но я все равно должен был идти

вперед и делал шаг за шагом. К вечеру был как пьяный от боли и усталости.

Но такая «жесткая методика» реабилитации оказалась очень действенной. Через полтора месяца Валерий Бурков вернулся из отпуска уже другим человеком. Протезы раздолбаны вдрызг. Но, к счастью, уже были готовы новые. Он надел их, выбросил палочку и никогда с ней больше не ходил.

– Для меня Афган – ключевой пункт маршрута, – говорит Валерий Бурков. – Война – это сильнейшее испытание, прежде всего духа и нравственной устойчивости. А сколько искушений готовит человеку война!.. Убьешь – и ничего за это не будет. Еще медаль дадут. А война – это всегда убийство, какими словами ни прикрывайся. Это противоестественно для человека. Поэтому война – удар по психике. И от того, насколько ты тверд духом, зависит, что произойдет с психикой и каким человеком ты станешь после войны. Если устоишь, то появится внутренний стержень, и к жизни другого человека будешь относиться более бережно, а если падешь и переступишь черту, то тогда можешь свернуть на путь бандитизма и убийства. Слава Богу, во мне после Афганистана появился все-таки стержень, и поэтому меня не сгубили потом ни власть, ни деньги, ни известность.

Вот почему он вспоминает Афганистан с благодарностью. Отец когда-то подарил ему книжку и написал: «Стань Человеком». Эти слова он запомнил на всю жизнь.

Когда в 2010 году Валерий Анатольевич окончательно оставил государственную службу и посвятил себя изучению Священного Писания, а затем и воцерковлению, его жизнь приобрела новое измерение. Каждый знает: в это время испытываешь такую благодать, что хочешь поделиться ею с окружающими и помочь прийти к вере своему ближнему кругу родственников и друзей. Правда, это оказывается очень непросто. И тогда духовная брань усиливается.

– Теперь я понимаю слова Господа, что не мир пришел Он принести, но меч, ибо пришел разделить человека с отцом его и дочь с матерью... и что враги человеку – домашние его, что всякий дом, разделившийся сам в себе, тем более – построенный на песке... не устоит... падет, и падение его будет великое, – цитирует он по памяти Евангелие и продолжает: – Слово Божие – меч духовный. Оно разделяет людей. Одни принимают его, другие

отвергают. Так и происходит разделение и в семье, и среди родственников, и среди близких тебе людей. И это огорчает. Особенно огорчает упорство, с которым человек отвергает Отца своего Небесного. Валерий Бурков удивляется, как мало людей становятся настоящими прихожанами. Кто-то заходит в храм время от времени, кто-то и вовсе забывает о вере и уносится потоком житейских забот, кому-то не нравятся «бабки» или «попы», и он выскидывает в церкви недостатки.

– Среди моих родственников, кто начал познавать Бога, только одна моя мама твердо идет по пути к Нему, – признается Валерий Анатольевич. – Остальные – как в притче о сеятеле.

Валерий Бурков называет старость очень хорошей порой, когда можно полностью сосредоточиться на жизни своей души. Но его удаление от мирских дел у многих знакомых вызывает недоумение, а некоторых и пугает.

– Приезжали ко мне на 55-летие мои друзья-однокашники. Хорошие все ребята, летуны. Из одного училища, из одной роты. Они уже знали, что я удалился от мира сего и «куда-то ударился». Им было интересно, как я изменился. «Бурков бросил все дела, уехал на дачу, бороду отпустил, стал “отшельником”, “затворником”, даже от съемок на телевидении отказывается – не тронулся ли?» – недоумевали они. Когда друзья уезжали, то были за меня спокойны, их опасения развеялись. И им было о чем подумать. В этом году они опять приехали. Уже двое из них поглядывают в сторону Бога достаточно активно. Пора уже. Старость для того и дана. И это самое хорошее время, если его правильно использовать.

Это удивительное дело – разговор по душам. Когда человек говорит о самом сокровенном. Исповедь увлекательнее любого художественного произведения. К тому же, мне показалось, что у Валерия Буркова есть дар проповедника, он умеет подбирать слова – не ошибся его духовник, поручив ему вести при храме беседы о Боге.

– Я думал, что я какой-то не такой, что разбрасываюсь, – признается Валерий Анатольевич, подливая мне чаю. – И в военном деле себя проявил, и на гражданке, писал песни как бард, как режиссер получал площадку на 9 мая на Поклонной горе. А теперь говорю: слава Богу за все! Везде удачно поработал, но нигде не застрял. Рад, что во-

евал и рисковал собой, потому что нет большей той любви, чем жизнь отдать за други своя. Был во власти, но не стал чиновником. Многим помогал... У Бога одна цель – всех привести к Себе. Зачем? Чтобы человек спасся! Ты видишь, насколько сам поврежден и слаб, что ты совсем не такой, каким должен быть. Это я раньше думал, что я человек волевой, орел, сокол! А теперь знаю: это не так. И не получается быть святым. И все равно – срывы, страсти и плач о грехах своих. Конечно, переживаешь, когда самые близкие люди не хотят знать Бога, отвергают Его. А ведь отвергают свое счастье и здоровье. Ведь Господь – главный лекарь душ и телес наших. Моя двоюродная сестра, сильно страдающая от болей, когда я посоветовал ей обратиться за помощью к Богу, сказала в один момент мне: «Брат, еще раз о Боге упомянешь, я подумаю, что тебя в психушку надо отправить».

Теперь Валерий Бурков живет вдали от городской суеты в деревне Ожигово Рузского района, в прошлом году окончил двухгодичные богословские курсы при Саввино-Сторожевском монастыре, большую часть времени старается уделять молитве, чтению Евангелия и духовной литературы. Несет и послушание – в храме поселка ведет беседы по Священному Писанию для прихожан и людей, которые только начинают свой путь к Богу.

Признается, что ему очень нравится жить вдали от городской суеты, быть только в церкви и дома. Рядом с ним – удивительная женщина по имени Роза, настоящая помощница ему во всем богоугодном. Она была известным экстрасенсом в Казахстане. Но вот встретила Валерия Анатольевича, оставила прежнее занятие, приняла Крещение, и теперь они все свое время отдают служению Богу.

– Я только с ней понял, какой может и должна быть семья. Она для меня больше чем жена, больше чем сестра. Она – сподвижница. Мы с ней идем одной дорогой, к одной цели, помогая друг другу. У нее пятеро детей, теперь они и мои дети.

А еще Герой Советского Союза Валерий Бурков летает на паролете – не может без неба – и планирует в скором времени начать заниматься с подростками на приходе – обучать их полетам и вести их через земное небо к небу Небесному. Теперь еще и в этом он видит смысл своей жизни.

Татьяна Медведева

Ирина Иванова

ВСЯКОЕ ДЫХАНИЕ...

Утреннее солнышко заглянуло в окно, но вставать не хотелось. В доме по утрам уже прохладно: что поделаешь – осень. Конечно, октябрь выдался на редкость теплый. Даже новая травка зазеленела по лугам, а кое-где и цветы не ко времени распустились. Небо ярко-голубое, с легкими облаками. Ни дать ни взять – весна. Но особая тишина и прозрачность воздуха напоминали: это последняя отрада перед долгой зимой. Да и ночи стали холодными. После одной такой ночи клены враз сбросили свои листья, и все дорожки в саду покрылись мягким разноцветным ковром. Когда-то давно маленький тогда сын Егорка, который любил все рифмовать, высказался поэтичнее:

С деревьев листья опадают,
Садятся на дорогу стаей...

Хочешь не хочешь, а печку придется на ночь подтапливать. И тут снова вспомнилась наша «беда». Во всяком случае, неразрешимая проблема.

Дело в том, что вверху нашей печки уже три дня что-то шуршало. Вернее, кто-то. Пошуршит, попищит и затихнет. Может, крыса или летучая мышь какая забралась? Вероятнее всего, какая-нибудь глупая любопытная птичка в трубу свалилась. Перед отлетом их целые стайки в саду кормятся. Но если попала в трубу, то это для нее настоящая западня. Когда сосед Иван Сергеевич выкладывал нам печь, я видела, как хитро она устроена: сплошные извилины. Это для того, чтобы огонь из топки не сразу в трубу улетал,

а погулял внутри, отдавая тепло кирпичам. И если что-то или кто-то попал туда – пиши пропало: из этого лабиринта живым не выбраться. Затопишь печь – и вовсе сторит бедняга. И так и этак плохо. Стало грустно от безысходности. Даже благовест с монастырской колокольни, зовущий на службу, не радовал как обычно. Заглянула в церковный календарь: какой красивый праздник сегодня в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость». Подумала про себя со вздохом: да, радость, но не для той твари Божией, которая застряла в печке: не ломать же печь накануне зимы.

Неожиданно в низу печи, рядом с топкой, где поддувало, что-то громко зашуршало, посыпалось...

– Володя, посмотри, кто это там?! – кричу в испуге.

Муж осторожно приоткрыл заслонку, а оттуда – фьють! – выпорхнул взъерошенный птенец и ринулся к окну! Здесь, растерянного, муж его поймал, вынес на крыльцо и открыл ладони. Птенец вспорхнул и уселся на березу: чистит перышки как ни в чем не бывало! Мы расхохотались: ну спелеолог! Вот, наверное, впечатлений набрался, будет что рассказать ему своим «собратьям по перу».

Так легко стало на сердце, и солнце светило совсем по-весеннему. Вот уж, действительно, нечаянная для всех радость!

Порой привяжешься к какой-нибудь животине, чуть не человеческие черты ей приписываешь. Кому не приходилось с котами разговаривать? Что интересно: если сам с собой будешь говорить, подумают, что с головой не в порядке. А если с котом беседуешь – будто так и надо, он тебя понимает. А разве нет?

Сижу как-то, игрушки из глины леплю. А кот на колени запрыгнул, вертится, лапами перебирает. Я ворчу на него: «Успокойся давай, вот как зимой хорошо было – сидел на печке, никому не мешал». И что же? Кот тут же спрыгивает с колен, лезет на печку (заметьте, холодную) и оттуда с укором посматривает...

Так вот, о котях. Осенью к нам под забор подкинули маленького рыжего котенка. Есть такая привычка у иных дачников – перед отъездом в город избавиться от ненужной «игрушки». К тому времени у нас уже были две кошки: мы их тоже на роднике, кем-то брошенных, подобрала. Так к Аське и Баське прибавился еще Каська. Он был добродушным, но ужасно невоспитанным, не приученным к чистоте. Убирали за ним, ругали его, выставляли на улицу.

И вдруг Каська заболел. Нахохлился, не ест, даже от любимой сметаны и рыбы отворачивается. День, два, неделю... Всем его ужасно жалко стало. Бегаем к нему по очереди, гладим, жалеем, а чем помочь – не знаем. В город в ветлечебницу везти? Только намучаем. Он и стоять-то не может. Вынесу его на дорожку на солнышке погреться – лежит, даже на происки соседского кота не реагирует. Помирать, что ли, совсем собрался?

Вот ушли как-то все наши из дома, достала я молитвослов и нашла молитву, которую читают при сильном море (падеже) скота. Там были слова: «...Боже сильный и крепкий, власть жизни и смерти имеющий, людей и скот спасающий и посылающий скоро просимое всем с верою к Тебе прибегающим...».

Прочитала я молитву, от себя прибавила: «Помоги, Господи, нашей бедной животинке!». Налила в ложечку крещенской воды и сквозь зубы влила коту. Тут в дверь позвонили, пока то да се, возвращаюсь: «болящий» стоит на всех четырех лапах и уху из плошки наворачивает! И сейчас на аппетит не жалуется, больше соседского кота вымахал.

Всякую животинку жалеет Бог, на всех хватает Его любви. Всякое дыхание да хвалит Господа!

Помните, мы читали, как молитва ограждала первых христиан и дикие звери ложились у их ног и зализывали им раны, вместо того чтобы растерзать? Читала и думала: «Наверное, это красивая легенда». Но вот какой случай произошел недавно с моей племянницей в лесопарке большого города. После болезни легких врач прописал Насте прогулки под соснами. Гуляют они со знакомой, сотовый телефон в руке (только что с мамой разговаривала), откуда ни возьмись огромная собака. Она стала бегать вокруг, потом бросилась к Насте и вцепилась зубами в телефон. Глаза у пса остекленели, а изо рта пена пошла.

– Я поняла, что сейчас что-то страшное произойдет, от ужаса замерла, в голову глупые мысли лезут: на дерево что ли залезть? Что же делать? И вдруг как осенило меня, стала громко читать: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением...». Затем перекрестила бешеного пса, – рассказывает племянница. – И пес остановился как вкопанный, шерсть улеглась. Он повернулся и побежал обратно в лес... До сих пор и страшно, и радостно.

Я-то давно в церковь хожу, а вот знакомая все удивлялась и просила объяснить, что я такое читала и почему собака вдруг послушалась и не тронула нас. Я ей рассказала о силе животворящего Креста Господня, а молитву она записала.

ДЕТСКАЯ МОЛИТВА

Внуки Антон и Эрик (в крещении Иоанн, Ваня) еще дошколята были. «Пятилетник» и «трехлетник», как выражается их третий брат Мартин. Приехали они к нам в Пошупово, пошли мы в воскресенье в монастырь. Служба праздничная, батюшки в золотом облачении.

Народу много, детей все вперед пропускают, и оказались наши мальчишки прямо перед епископом, который проповедь читал. Еле нашли мы ребят в конце службы, спрашиваем, что видели.

– Ой, бабушка, – пищит Антон радостно, – мы Бога видели! На нем все сверкало, и он нам сказку рассказывал!

Это восторженное восприятие храма осталось в них и спустя несколько лет. Причастились мы как-то, а служба все не заканчивается (известно, какие они долгие в монастыре). Ребята есть уже хотят, дергают меня за руки:

– Можно мы по просфорке купим, съедем? – спрашивают.

Побежали они к свечному ящику, а отец Кирилл руками разводит:

– Все закончились, экскурсия из Москвы приезжала, все просфоры разобрали.

– Ну ничего, – успокаиваю мальчишек. – Скоро домой пойдем. Идите пока к иконе Иоанна Богослова приложитесь, вон, справа у алтаря.

Поцеловали они икону, поворачиваются, а из алтаря наш старец с Афона батюшка Авель выходит. Приложился к праздничной иконе, подходит прямо к мальчишкам и протягивает на ладонях каждому по просфорке! Да не простой, а большой, архиерейской! Погладил по голове, перекрестил и ушел. Стоят мои ребята, рты от удивления раскрыли.

– Бабушка, – говорят, – как он узнал, что мы их очень хотели?! И откуда они взяли у него, ведь до этого у него в руках ничего не было, мы же видели?

Всю обратную дорогу до дома они летели как на крыльях, дома поспешили поделиться со всеми своей радостью. А утром Ваня рассказал (он спал под иконостасом), что ночью видел, как от иконок ангел полетел; полетал он по комнате и обратно улетел, – совсем было не страшно.

Может, и видел. Детские очи чистые. Рассказывал же в своих воспоминаниях отец Авель, что в детстве перед сном к нему ангел прилетал. И он долго был уверен, что ангелы всем детям желают спокойной ночи.

Приехала я в Екатеринбург забрать на лето в деревню Антошку. Поезд уходил ночью, и мы пошли погулять по городу. Проходя мимо кафедрального Троицкого собора, узнали, что туда привезли икону Николая Чудотворца из города Бари. Мы сразу зашли приложиться к этому чудному образу. Пока стояли в очереди паломников, объясняла внуку, что святитель Никола особенно помогает тем, кто в пути.

На вокзал приехали заранее, ждем, в окно смотрим. А там – ливень! Здание вокзала на реконструкции, идти к поезду придется по открытому пространству, а мы-то по-летнему одеты. У Антошки «астматический компонент», вот, думаю, сейчас до нитки вымокнем, да два дня в дороге, каким его привезу?! Вот уже и посадку объявили, а мы все стоим под навесом, не решаясь выйти под струи дождя. Вспору зонт у кого-нибудь попросить добежать до платформы, вопрос – дадут ли... Тут Антошка говорит:

– Бабушка, давай попросим Николая Чудотворца, ты же сама говорила, что он в дороге помогает!

– Давай! – говорю. Не могу же веру ребенка сомнению подвергать.

Помолились как Бог на душу положил, прямо в проеме дверей, где стояли. Минуты не прошло (у нас-то каждая на счету) – на ночном небе сквозь тучу закатный лучик пробился. Это небесное чистое «окно» зависло над зданием вокзала. Мы обрадовались и поскакали через лужи к своей платформе, к поезду. У всех вагонов стоят люди, ждут, когда начнут запускать, обмениваются радостными возгласами:

– Удивительно повезло! Стояли бы тут сейчас, мокрые, под дождем, и вдруг прояснило. Хорошо-то как!

Но больше всех радовался Антошка, шептал восторженно мне на ушко:

– Бабушка, они не знают, что это Николай Чудотворец помог, да?!

Я только кивала, чувствуя в груди горячую волну благодарности.

И было на следующий год уже перед обратной дорогой: хляби

небесные разверзлись, дождь лил без передышки несколько дней. По окнам он просто стекал потоком. А нам скоро выходить, отменить отъезд невозможно. Билеты на электричку и затем на поезд на руках, а перед этим еще на автобусе ехать. На минутку отдать книгу заскочил к нам монах отец Филарет. Вспомнили мы тот случай в Екатеринбурге и решили все вместе – дети и взрослые – молитву прочитать «Во время непрерывных дождей». Читать вслух попросили отца Филарета. Мы просили милостивого Господа простить наши прегрешения, «подать ведро и просветить солнце»...

Потом попили чаю и стали собираться в дорогу. Будь что будет. А было вот что. За окном поднялся сильный ветер и стал разгонять облака. И когда мы вышли с вещами на крыльцо, в глаза било яркое летнее солнце! Так и на фото запечатлелось: мы стоим у дома, жмуримся, мальчишки Антон и Эрик в новых сандалиях, а вокруг лужи и капли дождя на листьях.

Как потом мы узнали, этот случай произвел на отца Филарета такое впечатление, что он рассказал об этом своему духовнику, при этом спросил с сомнением:

– Как же так, отче, я такой грешный, а Господь услышал и исполнил мою молитву?

На что мудрый старец ответил:

– Ты же говорил, что рядом дети молились? А детская молитва без тени сомнения, ее Господь сразу слышит.

Рисунки Владимира Иванова

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно на сайте

www.znamenie-hovrino.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

**НА 2015 ГОД ВЫПИСАТЬ «ЛАМПАДУ» МОЖНО
ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ. ЭТО И ПРОЩЕ,
И ДЕШЕВЛЕ. КАК ПОДПИСАТЬСЯ – ЧИТАЙТЕ
НА ВТОРОЙ СТРАНИЦЕ ЖУРНАЛА**

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке	апостола Иоанна Богослова в Бронной слободе
Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане	свт. Климента, папы Римского
св. мц. Татианы при МГУ	Успения Божией Матери в Казачьей слободе
Воскресения Словущего на Успенском Вражке	Книжный магазин «Книжница» Дома русского зарубежья
Воскресения Христова в Сокольниках	Новомучеников и исповедников Российских в Строгине
Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря	Всех святых во Всехсвятском
вмч. Георгия Победоносца в Коптеве	Всемиловитого Спаса в Митине. Патриаршее подворье
Иверской иконы Божией Матери на Всполье	Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)
иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами	Преображения Господня в Тушине
Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь	Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине
прп. Алексия, человека Божия, б. Ново-Алексеевского монастыря	Прп. Сергия Радонежского в Бусинове
Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском	Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, патриаршее подворье
Троицы Живоначальной в Хорошеве	прп. Алексия, человека Божия в Крылатском
Троицы Живоначальной в Хохлах	Богоявленский кафедральный собор в Елохове
Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове	Казанской иконы Божией Матери в Коломенском
Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове	Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь
Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище	Донской ставропигиальный мужской монастырь
Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово	Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве
Сретенский ставропигиальный мужской монастырь	св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»
Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском	Воскресения Христова в Кадашах
Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке	свт. Иннокентия, митр. Московского в Бескудникове
царевича Димитрия при Голицынской больнице	прп. Сергия Радонежского
Троицы Живоначальной в Останкине	в Крапивниках
свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной	

ISSN 2225-0271

Русская Православная Церковь

ISSN 2225-0271

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 6 (99) 2014
ноябрь — декабрь

Тема номера:
**ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ НУЖНЫ
БЕЗУСЛОВНЫЕ ЗАПРЕТЫ?**

- святые места, и не за тридевять земель
- суровая жизнь – благо душе
- кузнец Лысяков, почетный академик ЮНЕСКО